Анна Ратина

И взаимно притом

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга — сборник записей обо мне, моей семье и моем сыне, которые я делала в течение почти 12 лет. «Сборник» — не совсем точно; скорее — коллаж, лента реплик, сюжетов, впечатлений. Мне, кажется, удалось сохранить и передать самое важное для меня — увы, я часто теряю его за сиюминутным — то, как сильно я люблю тех, кто рядом со мной, какой они близкий, но отдельный, бесконечно сложный и бесконечно радостный мир. Надеюсь, удастся поделиться этим с теми, кто будет читать книгу.

- И взаимно притом
  -
  -
  - Семейный портрет
    -
    - Д
    - АС
    - ТС
    - Мабушка
  - Другая жизнь
  - Надо сохраниться
  - С кем купить ракету
  - Сяся Пуськин
  - Теория книг, сумерки стогов и другие важнейшие искусства
  - Топание и братие
  - Ты историк, не смейся
  - Никто не похож на тупика
  - Пернатые с душой
  - Тысячу раз победа
  - Пока не закрылись ворота
  - Голова сламалась, или жизнь в ГБОУ
  - Гляжу на будущность
  - «…подождут. Не спеши…»

И взаимно притом

Анна Ратина

© Анна Ратина, 2017

ISBN 978-5-4485-7761-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

У нас с мамой дома был одиночный том из собрания сочинений Леонида Пантелеева. Не рассказы и не ШКИДа, а повесть «Наша Маша». Я в первый раз прочла ее очень рано, когда сама была близка по возрасту к героине, дочке писателя Маше Пантелеевой. Потом часто перечитывала, мама тоже, и какие-то словечки оттуда даже вошли в нашу семейную речь: мамсичек, босикомые… Что-то было непонятно (зачем им домработница? почему Маша не ходит в детсад?), что-то раздражало, но вдумчивый интерес родителей к дочке, к ее слову, настроению, душевному порыву вызывал уважение. Этим интересом книга была наполнена, он передавался. И нравилось: девочка уже выросла (об ее непростой судьбе я узнала сильно позже), но и она-маленькая — вот, в тетрадях, блокнотах, потом на страницах книжки. Хорошая привычка — записывать за ребенком, думала я.

Ко мне не пристают хорошие привычки, не пристала бы и эта, если бы не Живой Журнал, который стал моим блокнотом для записей о сыне. Появились читатели — помощь моему честолюбию, а значит, и старанию.

Сын неплохо заговорил в два с половиной года, я прилежно записывала. Хорошо помню одну из первых записей, про то, как он пересказывал мне «Репку».

— И позьвала коська мисику.

Долгая пауза.

— Так мышка пришла — и что?

Трагично и серьезно:

— Мисика не пьишла…

— Почему?!

— Она била дугом месьте…

Я потрясена:

— В каком другом?

— Ду-гом. Она тям бизяла… хостиком махнула… яицко упаё и язбиось…

Так вот, я записывала, и какие-то его словечки тоже вошли в нашу и наших знакомых речь: высшей оценкой чего-либо стало слово «къясота» (произносить с придыханием, протяжно), худшей — «безобьязие» (сдвинуть брови), толстых голубей вся наша семья называла вслед за ним «кунякáми». Я с грустью ждала финала, предсказанного Чуковским — от двух до пяти! до пяти! — но сыну исполнилось и пять, и шесть, а записей появлялось все больше.

Сейчас, когда я наконец собрала все, что писала о сыне, о себе и о нас почти двенадцать лет подряд, ему исполнилось 14. К рассказам о своем детстве он относится с некоторым раздражением, называя то время «возрастом неразумства». Наверное, я немного опоздала с этой книгой, но все же — с согласия сына, разумеется, — рискую ее напечатать. Я с самого начала старалась быть в своих записях немного отстраненной. Это не фотография, не хроника, не документ; скорее — набросок. Силуэт, деталь — готово. Похоже? Он? Мы? Похоже, он, мы. Но не весь он и не вся наша жизнь.

Семейный портрет

4 года

Долго-долго корпел над мозаикой. Сложил. Прислонил получившееся к шкафу, отошел, посмотрел. Подумал. Объявил:

— Семейный пайтъет!

Спрашиваю — а где тут я? папа?

— Вас тут нет.

— А кто же есть?

— Паовоз. С фонаём. И солнце. Оно пъотянуло лучик паовозу, а паовоз светит фонаём на солнце. Къясота.

Федором звали моего деда. Я была его младшей и любимой внучкой. Любовь он выражал так: терпел. Суровый был человек, жизнь его сильно обижала. Когда я родилась, ему было 69 — по-нынешнему «всего», но у него позади была война, ранение, контузия, тюрьма, водка, гибель старшего сына. Он здорово устал к своим 69-ти. Вряд ли ему хотелось все летние дни (я была приезжей, летней внучкой) смотреть за ребенком, пусть и послушным. Но он терпел. Брал меня на огород, за грибами. Ждал, пока я плескалась в речке. Переживал из-за моих синяков и порезов. Он умер, когда мне было 14. Почему-то я сразу решила назвать сына, если он у меня появится, Федором. Благодарность? Чувство вины? Вряд ли; просто захотелось.

3 года

Когда шкет бесится, его зовут не Федя, а Кунделе́вский. А меня, когда он бесится, зовут Тяпочкин. Так повелось. Поэтому, когда он несется на меня и хищно кричит: «Тяпочкин!» — это значит, что мы будем беситься. И я в ответ кричу: «Кунделе́вский!!! где твое пузо?! — я съем его с кетчупом!!!»

Беситься у него называется — щу́читься. «Я тебя сейчас буду щу́чить!!!»

А я ему сказала: «Что ты орешь как маленький? ведь такой уже огромный пузе́ц!» На что он ответил, что он не пузец, а спине́ц. Потом разошелся и сказал, что он: носец, ушец, глазец, ручец, лобец и пр.

Кунделе́вский — спине́ц.

7 лет

Появился у него свой телефон. Во всех наших телефонах он записан как ФЕДЯ. Вот звонок, у меня на экране — ФЕДЯ, я отвечаю, говорю: «Федька, привет!», а он:

— Здравствуй, мама. — (пауза — и, чтоб уж наверняка) — Это я, Федя.

3 года

Вечером, после ванны, сидит в пижаме, розовый, чистенький. Смотрит на меня добрыми глазами:

— Ну, сьто? Я Федя. А ты думала — кто?

— Кто?

— Ты думала — агнеёчек? *(ангелочек)*

Сначала в записях я называла сына — а за мной и все — шкет. Прижилось. Отпраздновали пятилетие и увидели, как он вырос (эта августовская стрижка, которая открывает незагоревший лоб — такой вдруг большой и упрямый, — шею, тоже вдруг длинную и худую, уши…).

Я стала просто, как в смс маме и друзьям, писать первую букву имени, Ф. В записях сократились и все остальные: муж, Денис, вначале уважительно именовавшийся «мужем и отцом», стал Д. Великолепный мой свекор, чье имя и вслух долго выговаривать — Александр Савватиевич — АС. Татьяна Сергеевна, свекровь — ТС. Сравнительное разнообразие досталось моей маме, Надежде Федоровне: маленький Ф от ее нечастых приездов впадал в ажитацию, путался и вызывал к жизни то мабушку, то баму.

Д

Ф перестал спать днем в саду (что жаль, конечно, со сном он гораздо спокойнее). Рассказываю об этом Д. Он, ностальгически:

— А я тоже в саду не спал. Меня даже за это наказывали. В угол ставили.

— В угол ставили, чтоб спал?

— Зря смеешься! Я, спасибо углу, единственный из всей группы видел стыковку «Союза» и «Апполона». Я в воспитательской в углу стоял, а у них телевизор был включен. Новости. Вот и увидел!

Стоит носом в угол мальчик в шортах и краем глаза смотрит новости. А там стыковка космических кораблей. А телевизор черно-белый. Эпоха.

АС

Для родителей мужа Ф — единственный, поздний и долгожданный внук. И если бабушка просто очень его любит, то дед видит в нем наследника, преемника и продолжателя. Во всем.

Говорит:

— У меня первая группа крови, у Татьяны — не знаю, какая, у Дениса — первая, как у меня. Интересно, какая у Феденьки. Известно уже?

Я:

— Известно, конечно. Вторая.

АС, помолчав немного, с искренним сожалением:

— Жаль…

* * *

По телевизору — концерт к юбилею Юрия Визбора, 80 лет. Одногодок АС, они учились в одной школе, только АС классом младше. Спрашиваю — а вы его помните? АС, задрав нос:

— Так, смутно. Мы не общались с той параллелью. У меня своя компания была… мотоциклы, потом чувихи…

Однако же напевает «Солнышко лесное». После слов «Где, в каких краях встретимся с тобою» с характерной миной добавляет: «Если, разумеется, у меня будет желание».

* * *

Ф нашел старый фотоальбом АС.

Наш дед — большой педант. У него все фотографии подписаны: год, место, спутники, фон. Если фоном машина — то ее модель, год выпуска. Есть фото из армии, где он в радиорубке, с телефоном в руках; подпись — «Ратин с телефоном модели такой-то».

(Себя, кстати, подписывает исключительно в третьем лице.)

И вот фото 1958 года. До знакомства со свекровью еще, значит. Молодой АС (красавец!) на мотоцикле в окружении каких-то девиц.

И подпись: «Ратин и другие».

ТС

Федор в очередной раз свалился с табуретки, знатно приложился головой — и ничего, отряхнулся и пошел. Мы с ТС рассуждали после этого, как же Бог детей хранит, держит за уши во время опасных их игр, прыжков и затей. И ТС вспомнила.

Она родилась в сорок втором, отец погиб. Таких детей после войны по соседству был целый двор — даже четыре двора: стояли рядом четыре двухэтажных дома на Соколе, полно ребятни разного возраста. Весь день на улице, играли в войну — рядом были картофельные поля, там они рыли окопы. Еще в партизанов играли. Однажды «фрицы» во время игры поймали «поджигателя», мальчика Леньку. Сделали ему табличку «Поджигатель», накинули веревку на шею и повели вешать — все как в кинохронике, которой уж они-то пересмотрели немало.

ТС: «Знаешь, я уверена: не останови нас взрослые — повесили бы натурально». Спрашиваю: а Ленька-то сам чего? отбивался? боялся? ТС, буднично: «Нет, мы серьезно играли, он шел геройски, не дрожал».

Мабушка

Мама родилась и выросла в деревне Курганской области. Ее родители были школьными учителями. А ее мама, то есть, моя бабушка, Анна Матвеевна, еще и директорствовала. Она единственная из всех женщин в деревне носила туфли на каблуке. Улицы немощеные, пыльные, каблуки оставляли следы-точки. Люди говорили: «О, Аннушка пробегала».

* * *

Мама бабушки, моя прабабушка, семь лет перед смертью лежала, была парализована ниже пояса. Раз шестилетнюю маму оставили с нею дома и сказали никуда не ходить — вдруг что-то понадобится бабушке. Было лето, жара, мама хотела гулять. Бабушка ей — Надя, нельзя, отец же сказал. А Надя — а уйду, ты ведь не встанешь, что ты можешь сделать?

Мама рассказывает и сокрушенно добавляет: «Еще танцевала перед ее кроватью и фигушки ей показывала».

Я охаю: и ушла? — Убежала! — А потом? — Отец вечером выпорол.

* * *

А напротив их дома, через поляну, стояла церковь, тогда служившая зернохранилищем.

(Надо видеть, как мама рассказывает о ночных — чтоб испугаться как следует — походах в церковь: «Купол большой, а в куполе Бог вот так — взмахивает широко руками, — а в пупе у него крюк, а на нем веревка. Мы на ней раскачивались».)

Однажды ночью церковь загорелась от молнии. Огонь мог легко перекинуться на дома. Сказали: будь готова, может, придется выбегать, собери самое ценное. Мама надела школьную форму, пионерский галстук, два фартука — белый и черный, два пальто — демисезонное и зимнее, взяла портфель с книжками и кота Ваську.

Пожар потушили, выбегать не пришлось, мама так и уснула в двух пальто.

Вот они, мои.

Ф похож на всех и не похож ни на кого.

Вот насупится, сведет брови — вылитый папа и дед. Кажется, что сейчас заложит руки за спину и скажет: «Как показывает

опыт…» или «История этой вещи такова…»

Вот рассмеется — такую же сияющую улыбку я иногда вижу у мамы.

А когда он мрачно скандалит за три часа до запланированного выхода из дома — ничего не готово! мы опоздаем на самолет! — я вспоминаю его прадеда, Федора Андриановича. В день любого отъезда он брился с раннего утра, за те же три часа до запланированного выхода надевал светло-серый пиджак с орденскими колодками, садился на скрипящий стул у двери, клал парадную — в сеточку — шляпу на колено и начинал ждать, неодобрительным и тяжелым взглядом наблюдая за нашими сборами…

3 года

Все двери в квартире — в щербинах и вмятинах: Федор, находясь в дурном настроении, стучит по ним разными своими игрушками (чаще всего — молотком).

Бабушка Надежда Федоровна, наблюдая за внуком: «Вылитый прадед. Ну, отец. Тот тоже… гардину повесить пытался как-то. Так всем досталось — гардине, что кривая, строителям, что стену косо положили, маме, что зачем-то хочет штору вешать, мне, что стремянку не так держу…»

И, обращаясь ко мне, невозмутимо: «Кто предупрежден — тот вооружен».

2,5 года

АС часто говорит Федьке: «А вот твой прадедушка Савва так никогда не поступал» или «Это чашка еще твоей пра-прабабушки Кати». Предки присутствуют постоянно, хоть и незримо.

И вот Федька недавно ходил с камнем и выдавал его за пирог: «Я испек пиог! Йот такой. Кусный очень». Но никто на пирог не обращал внимания, и шкет решил придать ему веса: «Нет! это ни я. Это ищё мой пъя-пъядедушка испек этот пиог…»

Другая жизнь

Я, как и все молодые мамы с первым ребенком, вела дневничок — вес, рост, прикорм, достижения. Долго упрашивала Д написать туда тоже хоть что-то — сын, мол, растет, а где тут ты? Он отнекивался: не умею, почерк плохой. Потом сдался. Посидел, попыхтел, вернул мне дневник, выражение на лице имея неописуемое.

В дневничке стремительным корявым врачебным почерком было написано следующее:

«Федяшка стал заметно активнее. Легко встает на колени и на руки, опираясь при этом на кисти и лучезапястные суставы. Можно отметить заметное улучшение чувства равновесия, так как точки опоры при таком положении не выходят за площадь туловища. Мальчик свободно и активно раскачивается в этом положении в направлении вперед-назад. Присутствуют некоторые попытки ползания, за счет скоординированного движения ног, без участия рук» и т. п.

Блокнот с дневничком и записью Д никуда не делся, стоит на полке; как же долго живет и бумага, и разная другая чепуха, ерунда. Как странно прочно это непрочное, выныривающее то тут, то там, и напоминающее, напоминающее.

5 лет

Ф осмысливает родственные связи. Требует рассказать, что было, когда я и папа были маленькими. «Вспоминает», что было, когда он сам был маленьким и даже что было до того, как он был маленьким.

— …и вот папа выучился и стал врачом.

— А потом?

— Начал работать.

— А потом? Встъетил тебя?

— Ну да.

— А потом?

— Мы поженились.

— А потом? А потом?

Я задумываюсь: что отвечать, как формулировать — что вообще ему интересно?

— Мама, а потом? — и тут же шепотом подсказывает, — Ну, говори: суп с котом!

6 лет

— А как вы с папой познакомились? Он тебя увидел — и что?

сразу полюбил?

— Ну, говорит, что сразу…

Ф, деловито:

— В обморок упал?

3 года

Денис рассказывает Федору сказку про трех поросят. Я подслушиваю:

— И волк упал прямо в огонь! И был у него, у бедного, ожог второй — (задумчиво) — а может, и третьей степени…

А потом «Дюймовочка»:

— Голосок у Дюймовочки был нежный-нежный. А потому что, Феденька, у нее были коротенькие голосовые связки…

4 года

Сидим в кафе. Вдруг Ф, бросив вилку, срывается с места и припадает щекой и ухом к отцовской груди. Я умиляюсь — какой любящий сын.

Ф, скосив глаз, поясняет:

— Слушаю, как еда идет по папиному пищеводу.

6 лет

Ф, побывав в отделении у Д и насмотревшись на его работу, печатал на компьютере «историю болезни»:

«В ЖЫЛУТКЕ ПРОИСХДИТ ШТОТО НИТАК И ТОГДА БОЛЕЗЬНЬ РОЗНОСИЦА ПОФСИМУ ОРГОНИЗМУ».

А еще рисовал схемы. Елочка с красным шариком — это «БОЛЕЗЬНЬ В РЁБРАХ» (елочка — ребра, а красное — болезнь). Еще: «ЗАБАЛЕВАНЬЯ Ф ПРЕМОЙ КЕШКЕ» (труба, изогнутая под прямым углом — прямая кишка. С красным же в ней заболеванием).

* * *

Я неважно себя чувствовала, и Ф меня лечил: щипал хирургическим пинцетом, светил фонариком в глаза и уши. Потом написал диагноз: «ПОВРЕЖДЕНИЯ СОСУДОВ В ЖЫВАТЕ И СОСУДОВ НОСА. ЧУЧУТЬ».

* * *

Спрашивает, что такое Царствие Небесное. Объясняю, как могу.

— А там кто?

— Не знаю, откуда мы можем знать.
— Пушкин — там?
— Вот Пушкин — там. Думаю.
— Там, там. А Лермонтов?
— Не знаю, Федь.
— И Лермонтов там.
— Хорошо, там.
— А Николаевич… Лев Николаевич Толстой?
— Не знаю, честное слово.
— Там!
Уходит. Возвращается:
— И Кутузов там.
Снова уходит. И снова возвращается:
— И Багратион. А еще?

3 года

Шкетович буянит. Кричит басом, скандалит, пытается драться. «Всё, я тибя обидил! Всё!» — тут же изумленно ахает — «Как зе я тепей буду зить?..»

А ничего, живет. Просит прощения, потом все заново.

Веселее всего, когда он принимается ругаться с Д. Характеры у них похожи, оба упрямые. Что будет лет так через десять?..

4 года

Играет, потом вдруг замирает:

— Знаишь? я так люблю папу, што даже глаза закъыть не могу!

Иногда я плачу из-за воображаемых вещей. Из-за того, что еще не случилось, а может, и не случится. Чаще всего тогда, когда представляю свадьбу. Ведь будет когда-нибудь у Федора свадьба? Вдруг она будет большая, семейная? А я окажусь там без тебя. Ты не увидишь сына взрослого, красивого, торжественного, начинающего что-то новое — Бог весть, какое. Не пожелаешь ему, чтобы это новое получилось. Я буду без тебя.

Мы были обычной благополучной семьей: желанный ребенок, любимая работа, помощь бабушек и дедушки. После того, как пришла болезнь, мы стали крепкой семьей. Я представляла: ты будто бы боксер, а я жду тебя в углу, с мокрым полотенцем и ободряющим словом. Если проиграем — то вместе.

Легко не было — но как часто в награду доставались моменты счастья, острого, до боли в груди, до перехвата дыхания. Мне доставались точно.

Вот ты говоришь о диагнозе. Я помню, где сидел ты, где

стояла я, какое на мне было платье. Ты говоришь: «До Федькиных десяти лет дотянуть хотя бы». И больше мы об этом не заговариваем. Федору еще нет четырех.

Вот мы долго гуляем под летним дождем в окрестностях Гематологического центра — тебе разрешают. У тебя с собой в рюкзаке пластиковая бутылка, потому что нужно собирать анализ — суточная моча. Нам ужасно смешно от этого.

Вот у тебя уже нет волос, бровей и ресниц. Но ты встречаешь меня у входа. В палате тебя вдруг начинает тошнить, и ты страшно кричишь на меня — вон, немедленно пошла вон!

Вот мы выходим из Гемцентра, раздарив врачам и сестрам тонну цветов. Весна. Ремиссия. Мы счастливые и глупые.

Вот возвращаемся через полгода. Сверхранний рецидив, смотрите, в этом случае кривая выживаемости — резко вниз. Я киваю словам врача.

Вот аутотрансплантация, санация костного мозга, стерильность, тебе очень больно, а мне всего лишь жарко в халате, шапочке и маске.

Вот ты, снова победив, уходишь — и я рядом, — но на этот раз тихо. Доктора улыбаются и не верят.

Вот контрольное обследование, ты у врача, я замираю под дверью кабинета. Чисто! И еще одно! И еще! Все говорят — феномен!

Вот у тебя непонятная температура.

Вот ты теряешь половину веса.

Вот твои глаза голубые, как у младенца, на улице страшное лето 2010-го года, такую жару не перенести и здоровому, мне говорят — готовьтесь.

Вот снова ты всех удивляешь, снова ты чудо, снова ты выжил — но почему все с такой жалостью смотрят на нас?

Вот ты не помнишь, какой год, вот ты перестаешь вставать, вот ты говоришь только мое имя — оно короткое, ты просто стонешь его.

Вот снова Гемцентр. Как я устала, если бы ты знал, как я устала — говорю я, упершись головой в бортик твоей кровати. Ты молчишь. Ты уже не произносишь даже моего имени. А я не знаю, что осталось полдня.

Федору семь лет и восемь месяцев.

…Сидим с Д в его больничной палате, молчим, смотрим на голубей за окном — он им на подоконник хлебные крошки выкладывает, приманивает. Голуби цокают коготками по жести. Муж вдруг говорит:

— Какая кьясотааа, как сказал бы Федя, — и, помолчав,

добавляет, — Вот ты все дергаешься, что он букв не знает, цифр. Зато он видит, где кьясота…

5 лет

Очень выразительные у Ф брови; вернее, места для будущих бровей.

Утром вот:

— Федь, доешь кашу.

Хмурится изо всех сил, сурово глядит:

— Нет! Ни-за-што! — подумав, добавляет. — Ни в комим случамаи! Я не люблю кашу!!!

Я:

— А я не люблю, когда ты так орешь!

— А я не люблю кашу!

— А я не люблю, когда ты орешь!

Решаю как-то сойти с этого круга. Обращаюсь к Д:

— А ты чего не любишь, скажи нам.

Д, не отрывая глаз от Евроньюса по телевизору, продолжая есть кашу, буднично:

— Я? я не люблю холодного цинизма.

6 лет

Ф бегал по квартире со своим глобусом. Я говорю — поставь, уронишь же, да поставь уже поскорее! Он не поставил. И разумеется, уронил. И глобус откололся от подставки. Теперь подставка отдельно, полукруглая такая штука отдельно, шарик отдельно. Прогнала Ф подальше, чтоб не покусать, а потом, остыв, говорю Д мирно:

— Знаешь, у меня в начальной школе тоже был глобус, и я тоже его уронила, и он тоже точно так же сломался.

Д хмыкает:

— Странно. И у меня тоже был точно такой же глобус. И вот он — так не сломался.

* * *

Гостили у мабушки, Ф увидел по телевизору рекламу — журнал про тело человека, к каждому номеру прилагается кость. В итоге надо собрать скелет. В первом номере — череп с зубами.

Позвонили Д, попросили купить журнал. Приехали — лежит журнальчик! Ф вопил радостно, крутя череп в руках: «Не врала, не врала реклама!»

Д сразу принялся нас просвещать: надо знать латинские названия! череп по-латински — так-то, зубы — так-то, нижняя

челюсть — так-то.

Через часок решил устроить проверку: как, спрашивает, называется череп?

Мы с Ф молчим.

Д, укоризненно:

— Краниум. Ну что же вы. А нижняя челюсть?

Я роюсь в памяти и лихорадочно выкрикиваю:

— Мандибуля!

Д с сарказмом:

— Правильно! И я не сомневался, что это ты запомнишь.

На следующее утро спрашиваю Ф: ты помнишь, что папа говорил, как там латинское название черепа?

— Нет.

— К…

— К.

— Ну? Кра… кра…

— Н?

3 года

Д подстригает шкету ногти на руках:

— Этот палец как называется?

— Мизиниц!

— Правильно. А этот?

— … не знаю.

— Ну, бе… без…

— Безобъязный!

* * *

Сижу, шью из флиса мышку — шкету для развивающих занятий игрушечная мягкая мышка понадобилась. Подходит муж: «Каким швом шьешь?» — «Петельным» — «Лучше вот так…» Показывает. Действительно, шов простой и аккуратный.

Муж, удаляясь: «Называется — кишечный».

5 лет

Записи Ф из жизни «папы и д'угих хирульгов»: «операция под моркозом».

3 года

Если раньше он все и всех делил на «дядей» и «тетей» — людей, зверей, машины, деревья, то теперь он всюду ищет маму-папу и «синка». «Синок» — это сынок. Мы сначала думали, что щенок. В Дарвиновском музее шкет, глядя на какую-то лисицу

с лисенком сказал: «Синок», — и мы начали убеждать его, что это лисенок. Потом поняли. Такое ласковое, трогательное — «синок».

Смотрит на нашу большую икону — Владимирскую Богоматерь: «Это мама и синок…»

Или держит папину вилку и свою, трехзубую, маленькую: «Вилька, а ето ее синок!»

4 года

Два первых дачных лета у Феди была знакомая корова. Ее пас очень славный старик, в прошлом главный зоотехник на ВДНХ. Ему нравился Федька, Федьке нравился он. Корова тоже всем нравилась и всеми была довольна. Но у старика была больная жена, и сам он прихварывал, а держать корову — дело тяжелое. Он ее продал. Следующим летом коровы уже не было. А ее хозяин шел как-то мимо нашего участка, и у него прихватило сердце. Мы ему вынесли стул, валидолу. Федька ромашку сорвал. Старик сидел, в себя приходил и вдруг сказал — зря корову продал, без нее плохо мне, грустно; она меня держала. А зимой и он умер.

Прошел еще год. Едем от станции, проезжаем мимо переулка, где тот старик жил. Федя, задумчиво:

— Мама, помнишь? каова была? и дедушка? Помнишь? Я не помню, как каову звали.

— Мелодия.

— Да! Мелодия. А сейчас ее уже нет, уже уехала домой. И дедушка уехал.

И еще пару раз повторил: «Мелодия звали».

8 лет

Лето. Крит.

Наша гостиница — в скалистой бухте. После ужина уходим по тропинке к морю, сидим, смотрим. Заката не видно, закат на другом побережье, у нас отзвуки.

Сидим. Ф срывает сухие травинки, шуршит, шелестит.

Я, невольно:

— Оттого и томит меня шорох травы…

Ф, после паузы:

— Ну?

— Что трава пожелтеет и роза увянет.

Еще после паузы:

— Дальше?

— Что твое драгоценное тело, увы,

Полевыми цветами и глиною станет.

Снова пауза. Ф, уже раздраженно:

— Ну, дальше-то?

Дочитываю до конца.

(Георгий Иванов это:

…Даже память исчезнет о нас… И тогда
Оживет под искусными пальцами глина
И впервые плеснет ключевая вода
В золотое, широкое горло кувшина.
И другую, быть может, обнимет другой
На закате, в условленный час, у колодца…
И с плеча обнаженного прах дорогой
Соскользнет и, звеня, на куски разобьется!)

Ф, подумав:

— Но в одном-то он неправ.

— В чем?

— Что память исчезнет. Память-то навсегда, да?

Врать не хочется, с правдой тяжело.

— Если ты о папе, то ему повезло.

— Как?

— Память о нем, скорее всего — независимо от нас — надолго. Какой-нибудь мальчик… или девочка… кому он спас руку или ногу — будет его помнить, будет говорить о нем детям, внукам — может, даже и без имени — просто, что вот был в больнице такой доктор, веселый, ходил в смешном черном костюме с белыми черепушками и в хирургической шапочке с мумми-троллями…

И дальше сидим. Молчим.

8 лет

Едем с Ф в метро и развлекаемся тем, что орем друг другу в ухо всякую ерунду. Вагон полупустой. Вдруг бабушка, сидящая напротив, пересаживается к нам и говорит мне — тоже кричит — на ухо:

— Спасибо вам!

— За что?!

— Я смотрю, как вы с сыном любите друг друга — и радуюсь!

Я бормочу что-то про то, что это так естественно и ничего особенного. Она энергично протестует — есть, мол, есть особенное, потом вдруг тихо — остановка — говорит:

— У меня тоже был сын. А теперь его нет.

И снова садится напротив.

Стараюсь не расплакаться.

Когда выходим с Ф из вагона, он спрашивает:

— О чем эта бабушка тебе говорила?

— Что ей очень приятно было на нас смотреть. Что она смотрела и вспоминала своего сына.

— А он где теперь?

Почему-то говорю:

— Он вырос теперь.

Ф, понимающе:

— Другая жизнь?

— Вроде того…

Вот я и умер, а ты жива
И чувствуешь-думаешь, что виновата.
Перебираешь, взвешиваешь слова,
Какие сказала и не сказала когда-то.

Ты вспоминаешь то, что ты не смогла
Была ночная безвыходная усталость,
Сдавали нервы, потом надежда ушла
И от любви только голая воля осталась.

Всё это правда и это неправда совсем
Было дыхание рядом и тело тепло излучало.
Сколько было всего! Пойми тут — за что и зачем,
И как мне теперь поправить тебе одеяло?

Дмитрий Шноль

Надо сохраниться

3 года

Едем мимо Новодевичьего монастыря. Ф восклицает:

— Сколько цейквей! Смотъите! Целая стая цейквей!

4 года

Новый жанр Ф — «рассказать икону». Есть у него любимые иконы, я коротко объясняла, кто изображен, что за сюжет. Он переварил, и вот выдает рассказы.

Про икону преподобномучениц Великой княгини Елизаветы и инокини Варвары: «Жили-были две женщины, Елизавета и Валвала. Очень хаашо жили. Но вот п'ишли злыи люди и кинули их в глубокую яму. А Бог их спас — п'отянул удочку и вытащил».

Еще рассказывает про Григория Победоносца, про Соловецких святых и про чудо в Кане Галилейской. Из последнего рассказа расслышала только: «И Х'истос сказал им — лейте! лейте, кому говоят!»

* * *

Когда его укладываю, читаю несколько молитв. Он внимательно слушает, что-то подборматывает. И вот, видимо, понял, что молитва — это личное обращение к Богу, когда можно и своими словами говорить, даже просить чего-то.

— Мама. Попъёси, сьтобы ко мне не пъишла злая къиса *(злая крыса — привет «Щелкунчику» и мышиному королю)*.

— Что?

— Попъёси, сьтобы ко мне не пъишла злая къиса.

Попросила.

— Есё попъёси, сьтобы ко мне не пъишла Баба Яга.

Сделано.

— И сьтобы злая избуська на куих злых нозьках не пъишла.

И это сделано.

И он продолжает мне «надиктовывать», шепотом, очень серьезно:

— И сьтобы злой слон не пъишёл. И сьтобы злой песок…

— Кто?

— Песок, песочек такой злой. И сьтобы злая бетономесялка не пъишла. И злой бегемот. И злая Алиса. И злые две койобки.

— Коровки?

Повысив голос, недовольно:

— Койобки!!!

— А, коробки…

Снова шепотом:

— И злой такой пожайный…

Ушла — отпустил. Но уже что-то сам нашептывает.

Еще добавлял: «Ни в комим случаи! сьтобы ни в комим случаи не пъишёл!»

Через день:

— … и сьтобы пъишли ко мне добъие кьюг, квадъят и добъие две тъяпеции…

* * *

Вечер, шкет ложится спать. Как обычно перед сном, листает-смотрит книжки, что-то приговаривает. Но слышу — интонации очень характерные, будто беседует с кем. Заглядываю, а он показывает книжку — иконе. Федоровская икона Богоматери рядом с кроватью у него. Приглядываюсь — и не книжка это, а каталог Лего. Он иконе страницу из каталога показывает и говорит:

— Видиш, какой поезд? вот такой мне очень нада, очень. Хаяшо видиш? Видиш — с тъюбой. Очень нада.

5 лет

Приносит мне свой маленький фонарик — в форме именно фонарика, подвесного, на цепочке — говорит:

— На. Дарю.

— Спасибо! А что мне с ним делать?

— Возьмешь с собой на крестный ход. Будешь идти и размахивать им. Как отец Геннадий своим… — (цокает языком, вспоминает слово) — …котелком.

(Кадилом, то есть)

* * *

Рассматривал иллюстрации в книжке Диккенса про Христа:

— Он же не один там на горе был. Там еще два разбойника были. Слева — злой. А справа бла… благо… — (опять вспоминает слово) — …благородный! Благородный разбойник, да.

* * *

К Пасхе нарисовал рисунок. Гора, три креста, люди кругом. А сверху — линеечка, и кто-то непонятный на ней.

— Федь, а кто это?

— Кто-кто… Отец! На небе сидит. Он сидел, смотрел и знаешь, что делал?

— Что?

— Плакал.

Присматриваюсь — и правда, нарисованы слезы. «Больше глаз».

7 лет

Смотрели иконы в музее критского монастыря Превели.

Там есть житийная икона — мученик Порфирий и его разнообразные ужасающие страсти.

Ф, посмотрев, говорит (тон — свежайшая идея):

— Мама! а давай стараться не попасть в ад!

Я, с радостной готовностью — от растерянности:

— А давай!..

* * *

Сделали с Ф рождественский спектакль на коленке. Сцена из коробки от Лего, декорации — рисунки Ф, куклы из картона. Я отвечала за смену задника и персонажей, а Ф озвучивал: «И сказал Иосиф Марии — видишь, вон там пещера? пойдём туда, согреемся, переночуем и там же родим нашего Иисуса». Или: «Ангел явился волхвам — простите, пожалуйста, волхвы, но вы к Ироду лучше не возвращайтесь, он злодей». Я все порывалась вклиниться в озвучку с Пастернаком — стояла, мол, зима, дул ветер из степи, — но Ф меня недовольно прерывал: «Мама, тут пустыня кругом!»

* * *

В одной церкви углядел икону своего святого, Федора Стратилата. Долго рассматривал.

Уже выходя из церкви, задумчиво, серьезно, каким-то былинным зачином:

— Я шатался по многим церквям…

Я немедленно сгибаюсь от хохота, а он невозмутимо продолжает:

— … но не везде я видел Федора Стратилата.

* * *

Садится завтракать, откашливается:

— Сейчас я расскажу тебе историю. Из Библии. Слушаешь?

А как же, говорю.

— Хорошо. Так вот. Давид и Гольф!

И тогда же, про Моисея:

— А Египет рабствовал всеми евреями!

6 лет

В Родительскую субботу:

Ф:

— Что, сегодня вспоминают всех, кто умер?

— Да.

— Всех-всех?

— Всех-всех.

— И бабушку Любу?

— Конечно.

— И Багратиона?

9 лет

Спрашивает — когда в церковь пойдем. Я говорю — в воскресенье, коль живы-здоровы будем.

Он:

— Хорошо, потому что я хочу серьезно помолиться.

Спрашиваю — если не секрет, о чем?

Закрыв глаза, скороговоркой выпаливает:

— Чтобы в зимней серии Чтогдекогды победила команда Сиднева, чтобы счет у них был шесть-четыре, чтобы ни у кого лучше не было и чтобы сову вручили Друзю!

11 лет

Уходим утром в церковь, он, с прощальным взмахом руки, говорит бабушке:

— Пока! Отдохни как следует от нас, монотеистов!

13 лет

В церкви переминается с ноги на ногу, мается, всем видом показывает, как несчастен. Нравоучительно шепчу: иди на улицу, я же тебе не запрещаю, но если уж выбрал оставаться тут, так веди себя как до́лжно. Ф притихает, потом шепчет горячо в ответ:

— Я христианин! У меня есть уважение и вера! Но поясница у меня тоже есть!

9 лет

Отец Алексей говорит проповедь, несколько сложную для

детей. Но Ф напряженно вслушивается. Вот отец Алексей несколько раз произносит слово «юдоль». Ф, обернувшись ко мне, просияв лицом — расступилась тьма, показалось знакомое! — шепчет:

— Людовик?!

3 года

Когда в саду утром прощаемся, я ему говорю — храни тебя Бог. А тут забыла почему-то. Он ушел было в группу, а потом вспомнил, бежит, кричит:

— Мама! Я не сохранился же еще!

С кем купить ракету

2,5 года

Федькин друг Гоша — человек исключительно практический, конкретный. А шкет мечтатель и прожектер. Витает мыслями в каких-то неконкретных областях.

Ждем лифта: мы со шкетом и Гоша со своей мамой Олей.

Гоша смотрит вниз и замечает, что у них со шкетом одинаковые ботинки.

— У нас с тобой ботиньки одинакие, — говорит он Феде.

Федя задумчиво смотрит в стенку.

— У нас с тобой ботиньки одинакие! — Гоша трогает Федю за локоть.

Федя выходит из транса и очень уместно отвечает:

— Я дюмаю, сятаны *(фонтаны)* узе включили.

— У нас ботиньки одинакие!!! — Гоша пытается вернуть друга к реальности.

— А зимой сятаны не яботают, потонуся *(потому что)* хоооолёдно! — шкет тревожно заглядывает Гоше в глаза, призывая прочувствовать волнующую тему фонтанов.

— У тебя синие и у миня синие!!! — Гоша начинает наступать на Федю, сделав грудь колесом.

— А потом пъидёть дядя, повейнёт къян, и вода как бъизнеть! как забулит! *(брызнет и забурлит)* ооо! — Федя тоже приходит в нехорошее возбуждение и начинает размахивать руками.

Мы с Ольгой от хохота ничего не видим и не отслеживаем, как невинный поначалу разговор перерастает в легкую драку.

Всю прогулку они дуются друг на друга, не играют и периодически бурчат что-то. Упорный Гоша — про ботинки. Легкомысленный Федор — про паровозы.

4 года

Ходили с другом Гошей в театр и кафе. Там друзья вели беседу. Интересы у них разные, и раньше они из-за этого дрались. А теперь терпеливо друг друга выслушивают.

Гоша (увлечен динозаврами и разными морскими и речными гадами):

— Федя! а ты знаешь ли, кто такой ручейник?

— Нет, — говорит Федя.

Гоша пять минут рассказывает, кто такой ручейник. Федя дослушивает до конца, кивает (информацию принял) и вступает со своей темой:

— Гоша, а ты знаешь ли, какие наши командиры погибли

в Бородинской битве?

— Нет, — добросовестно подумав, отвечает Гоша.

Федя перечисляет:

— Баг'атион, Кутайсов, Тучков первый, Тучков четвертый, а Кутузов нет, живой остался.

И так далее.

13 лет

Едем в машине, Ф и Гошка играют в свою любимую автомобильную игру — данетки, загадывают и отгадывают исторических героев. Гоша устает первым.

Ф:

— Георгий Александрович, позвольте сообщить — я загадал.

— Поздравляю, Федор Денисович, и немедленно сдаюсь.

12 лет

…Среди прочего — спорили, сын кто-то там (не расслышала) Карлу Великому или не сын. Спорили так.

Ф:

— Сын.

Гоша:

— Не сын.

— Сын.

— Не сын.

— Сын.

— Не сын.

— А. Не сын.

Ни одного восклицательного знака!

Потом Ф с трех вопросов угадал Святослава Храброго.

Гоша, склоняя голову (буквально):

— Уважаю. Красавчик.

6 лет

Пьют чай.

Ф, с набитым ртом:

— Гоша, давай мы с тобой будем три мушкетера.

Гоша, отхлебывая чай, невозмутимо:

— Извини, Федя, я не могу. Я буду ученым.

5 лет

Ф и Гоша — такая пара, такая пара: рты приоткрыты, слова невпопад, организованная жизнь идет мимо, а они сидят на детсадовских низеньких своих стульчиках и с блаженными ухмылками ее комментируют.

Пришла преподавательница из соседней музыкальной школы в сад, прослушала Ф, сказала — данные есть, предложила зайти к ней на более серьезное прослушивание. Взяли Гошу за компанию, пошли.

Сначала они брали ноты, пели умильными голосками «ля». Потом их попросили отхлопать ритм. Гоша, хлопнув пару раз, сказал: «Давайте вот так. Вы хлопаете, а я вам говорю, сколько раз вы хлопнули». Ф тут же влез: «Нет! не так! я говорю циф'у, а вы хлопаете столько раз, сколько я сказал». И они немножко поругались, пока преподавательница не сказала им, что командует тут она. После чего они сразу же стали громко решать, на каком инструменте будут играть. «Я, знаете, все-таки решил… Буду играть на сиксафоне», — это Гоша, начальственно постукивая пальцами по крышке фортепиано. Ф с готовностью подпрыгивает: «И я, и я на сиксафоне! Вдвоем на сиксафоне! на двох сиксафонах!»

Провалившись по всем фронтам (более всего — по дисциплинарному), вышли из кабинета, а Ф и говорит: «Ну, нам все понятно, только что она все в'емя пела п'о фасоль-осину?»

6 лет

Подравшись, помирившись, смотрят мультфильм. Но все равно — шуршат, пихаются, тыкают друг друга. Гоша явно хочет подраться еще. Ф больше хочет мультфильм и потому говорит нервно, но вежливо:

— Гоша, пожалуйста, не души меня.

* * *

Гоша сделал себе «паспорт» — тетрадочку бумажную, куда записал свое имя и особые приметы: «Глаза: Кари. Настраение: скрытна. Любит: жар. картошка. Адрес: д.9, корпус отсутсвуит». Ф смотрит, завидует, теперь ждем, чем эта зависть прорастет.

* * *

— Почему я так быстро устаю? почему плакать все время хочется?

Отвечаю — весна, авитаминоз, это раз. А еще очередной кризис — это два.

Он: а что такое кризис?

Рассказала, как могла: что растешь, меняешься, трудно жить с собой-новым, трудно себя пристроить.

Он кивает. А я добавляю — а еще бывает кризис отношений.

Когда два человека изменились, им и поодиночке сложно, а уж как вдвоем непросто!

Ф, задумчиво:

— Значит, у меня с Гошей кризис отношений…

Потом спрашивает — и что с кризисом делать? Да ничего, отвечаю, перетерпеть, пережить и постараться не испортить все окончательно.

Покивал.

Это было утром, по дороге в сад. Едва переступив порог группы, поругался с Гошей.

Через пару дней:

— Когда я у бабушки был, я очень по своему Лего скучал. А почему-то сейчас не хочется играть.

Говорю: дело тоже известное, то, к чему привык, начинаешь ценить на расстоянии. Вот ты на дачу когда уезжаешь, я так по тебе скучаю, думаю — какой ты у меня прекрасный, без недостатков.

— А тут? — (глаз хитрый).

— А тут — ты как утром начнешь ныть, что одеваться не хочешь, зарядку не будешь… — (спохватываюсь) — Но люблю я тебя всегда и всякого.

Ф тянет:

— Это-то понятно…

Подходя к саду, сообщает:

— Скажу Гоше, что нам надо перестать разговаривать. Ненадолго. Чтобы мы больше друг друга ценили.

А в группе сразу же снова поругались, чуть не до драки.

Но тем не менее Ф еще через день сказал:

— Знаешь, почему у меня кризис с Гошей? потому что он мой ближайший друг. Остальные — просто друзья.

В саду, на занятии, садиться рядом с ближайшим другом отказался, взял стул и ушел в другой конец комнаты.

11 лет

Гоша приехал в гости на дачу после долгого перерыва. 42 размер ноги, рост 155, вежливая беседа — каждую фразу начинает с «Простите, Аня». Интересуется процессом издания книг. Я, говорит, работаю в жанре фэнтези — вы не знаете, к кому с этим обратиться?

Вечером услышала их разговор.

Ф:

— Мне Наташа с Геной на день рождения подарили сто долларов. Это приблизительно три с половиной тысячи рублей.

Гоша:

— На что тратить будешь?

— Ну, тысячу рублей я отдам, знаешь, в фонд такой. Старичкам. Остается две с половиной.

— А у меня есть пятьсот рублей.

— Значит, вместе у нас три тысячи. Что с ними делать будем?

Долгое молчание. Потом Гоша, задумчиво:

— Может, купим ракету?..

Еще обрывок разговора.

Ф:

— Боюсь, такое у Деда Мороза просить бессмысленно…

Гоша:

— Да. Жаль. Но письмо написать все-таки стоит.

12 лет

Гоша иногда бывает в таком ударе, что и Ф пасует перед ним.

Вот как всегда куда-то едем, они как всегда на заднем сиденье.

Ф, светски:

— Ну, как твой роман?

— Требует переработки, — серьезно отвечает Гоша. — Я пока решил писать малые тексты, вот как поэма про двух братьев-королей — помните, Аня, я дарил?

А как же, говорю, такое не забудешь: Зандр и Зундр, и кто-то из них отправился «туда, где кончанье земной коры».

Гоша довольно кивает:

— Я эту поэму подарил вам — а еще Деду Морозу.

Ф ахает:

— Кааак?

— Написал ему письмо и к письму приложил. Дорогой Дед Мороз, — написал я ему. Буду очень рад, если ты ответишь, что думаешь про мою поэму.

Ф:

— Иии?!

— И он не ответил. Наверное, я весь год себя плохо вел.

Я говорю: ну что уж ты такого мог сделать, ты ведь исключительно приличный человек.

Гоша, все так же серьезно:

— Да. Приличный. Если забыть сжигание трех рулонов туалетной бумаги в лесу. С помощью спичек и аэрозоля.

Ф хохочет без остановки, а Гоша, держа лицо, продолжает:

— Мне тогда сказали — зачем же жечь? Она для другого. А я сказал — она для использования человеком. И если человек хочет ее использовать так — в чем его вина?

11 лет

На даче, пользуясь тем, что я была занята, Ф и Гоша при помощи пластиковой бутылки, садового шланга (вода под напором) и кубиков Лего запустили космический корабль. Пистолет у шланга сломан, сбито несколько яблок с яблони, конструкторы мокрые.

Потом проверяли, на сколько шагов улетает наполненная водой дырявая лейка.

13 лет

Сидят в машине сонные, молчат.

Ф:

— Гош, ну давай что-нибудь обсуждать? Что хочешь? Давай — церковные реформы Никона?

Гоша, пресыщенно:

— Не хочу.

И, помолчав, уже чуть более оживленно:

— А давай тупо шутить над всеми рекламами по дороге?

14 лет

Гоша снова выбрался к нам в гости, по дороге рассказывал мне про исторический лагерь, откуда только что вернулся.

С очень взрослой интонацией:

— Эх, Аня. Такие типы, такие личности там попадались — ты не поверишь. Например, был у нас там упертый сталинист.

Бывает, говорю.

— И был православный фанатик.

Тоже, говорю, часто встречающееся явление.

— Эх, Аня. Самое-то интересное что? Что обе эти личности были в одном теле!

Эх, Гошечка, говорю, и это бывает, ох как бывает.

На даче мальчишки лентяйничали и смотрели муть по телевизору. Я решила побыть диктатором: еще десять минут, сказала, и марш мусор выносить, потом в магазин, потом еще что-нибудь придумаю. А сама боролась с кратковременным, но острым приступом отчаяния: телевизор, телевизор, вечен, непобедим, мальчики развращены и зомбированы и т. п. Не дождавшись конца десяти минут, рявкнула: выключаем! мусор!

Вышли, обуваются, продолжая какой-то явно давний

и важный разговор. Ф, пыхтя над сандалиями:

— Нет, Гош, я с тобой не согласен. Рассматривая идею, нужно рассматривать только ее суть, не принимая во внимание личности тех, кто ее поддерживает. Иначе дискредитировано вообще все!

Приступ проходит. Эх, Аня.

Сяся Пуськин

Федьке две недели. Мы живем на даче. Все прекрасно, все просто идеально. И вдруг он перестает спать днем. Пищит, бурчит, размахивает руками, обязательно плачет — но не спит.

Мы с мужем почему-то решаем, что его успокоит чтение. Какая-нибудь добрая детская книжка. Какие-нибудь незамысловатые стишки. В памяти всплывают книги из нашего детства: непонятные «Лаповички» (я) и Кончаловская, про Москву (муж). На дачу мы взяли кучу полезных и бесполезных вещей, взяли, например, специальные щипчики для ногтей и соплеотсос. Но не взяли ни одной детской книжки.

«Давай читать наизусть!» — предлагает муж и отступает на заранее подготовленные позиции, в гараж. Федор делает секундный перерыв в своем тихом плаче, я пытаюсь собраться с мыслями. В голову лезет только «Ленин и печник». Ленин, — скромно отвечает. — Ленин? — тут и сел старик… и т. п. Ужасно, что и говорить.

Проходит еще час, Федька не спит. Муж — делать нечего — приносит том Пушкина. У Пушкина ведь есть сказки. Открываем оглавление: так, петушок, старик, старуха, мертвая царевна — все хорошо знакомо… ага! «Сказка о медведице»! и как раз короткая! Муж раскрывает пухлый том на нужном месте, с выражением начинает читать — и через минуту останавливается: медведица грозит охотнику теми словами, которые в нашей семье условно обозначаются как «чердачно-подвальная лексика». Я негодую, муж веселится («Ай да Пушкин, ай да…»). Делать нечего, принимаемся за «Сказку о царе Салтане».

Уже потом моя мама рассказала, что я в детстве больше других любила именно эту сказку, знала ее наизусть. Мы жили на шестом этаже, лифт часто не работал, я помогала себе преодолевать лестничные пролеты монотонным скандированием: «И ца-рица моло-дая дела вдаль не отла-гая с той же ночи поне-сла в те по-ры вой-на бы-ла!» Куда и что понесла царица, я, по-видимому, не задумывалась.

Словом, лето. Дача. Послеобеденная жара. Муж укладывается на диван, Федька ерзает и хнычет у него на животе. Я торжественно начинаю:

— Три девицы под окном…

Первым засыпает муж. Потом, не дождавшись, пока бочка с царицей и Гвидоном благополучно выплывет на берег, начинает ровно и глубоко сопеть Федька. О, чудо! Ах, Александр Сергеевич, долго, долго вы будете любезны народу!

На следующий день — та же история. Федька не спит. Пушкин снова усыпляет его, но мы уже дошли до того, как «на берег вышли гости» (в первый раз) — я почему-то начала читать сказку с начала.

Вечером снова капризы. Пушкин помогает, как хорошее лекарство. Но доза увеличивается — «…белка песенки поет…» И, непонятно почему, мы все время начинаем с начала.

Вы помните «Сказку о царе Салтане»? На первых двух-трех страницах действие в ней развивается неправдоподобно, сказочно быстро, события идут одно за другим, как волны в том самом океане, который едва не стал могилой для несчастной царицы с ребенком. А потом — тишина, спокойствие и благолепие. Сказочный город, чудо-белка, тридцать три богатыря — каждое событие описывается (одними и теми же словами) по четыре раза.

…На пятый день Федька стал ***слушать*** *сказку. Тихо лежал, искоса смотрел на меня. Молчал, пока я читала. Но стоило мне прекратить чтение или попробовать сменить репертуар — начинал плакать:*

— Вот на берег вышли гости, князь Гвидон зовет их в гости… розы-морозы… спи, Феденька, спи, маленький… но ткачиха с поварихой, с сватьей бабой Бабарихой… а она-то откуда там взялась?.. жена — не рукавица… это точно… Спи, спи…

Еще немного, и я начала бы «чудесить», как царь Салтан. Но через неделю это кончилось. Федька успокоился, стал хорошо засыпать. Пушкин вернулся на полку.

Еще месяц мне снились строчки из сказки. Потом прошло. Потом нам подарили красивую «Муху-Цокотуху» Чуковского. Там к мухе приходили блошки. Приносили ей сапожки. Естественно, не простые — в них застежки золотые.

«Простые-золотые», «простые-золотые» — рифма не дает покоя, как головная боль. Ну что же, ну где же… А! Конечно!

Достаю Пушкина, усаживаюсь рядом с Федькиной кроватью — и неторопливо, негромко, с наслаждением читаю:

Белка песенки поет
И орешки все грызет,
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые…

4 года

На даче. Ф обедает. Стол высоковат — немного, но все же. Прошлым летом мы клали на его табуретку том Горького и том Белинского, было в самый раз. В этом году с Горьким и Белинским — высоко, по отдельности — низко. Делать нечего, взяли Пушкина. И в самый раз.

Перед обедом Ф теперь кричит: «Где мой Пушкин? подложите мне Пушкина!»

2,5 года

Читаю. Подходит шкет:

— Мами, идём!

— Сейчас, дочитаю немного.

— Сьто?

Показываю обложку. Шкет понимающе кивает:

— Аня Каеня (Анна Каренина).

Уходит, роется в своих книжках, достает одну, усаживается на пол, листает. Вид — серьезнее не бывает. Не выдерживаю:

— Заинька, а ты что читаешь?

Шкет, подчеркнуто не отрывая взгляда от книги:

— Пуськин.

Замечу в скобках, что этому непринужденному диалогу предшествовали недели две таких разговоров: «Этя тё?» — «Это книжка моя» — «А этя тё?» — «А это на книжке картинка» — «Тётя!» — «Да, тетя нарисована» — «Тётя? Тётя?» — «Ее зовут Анна Каренина» — «Каеня!» и т.д., и т.п., и так по сто раз.

А Пушкина шкет еще называет «Сяся Пуськин».

3 года

Взял «Снежную королеву». Объясняет:

— Это казка пъё Снезную каялеву. Ее написай Аиксандый Сегеевич Пуськин. Там истоия пъё каялеву, такую снезную и такую тайную…

Открываю рот, чтоб поправить, но он убегает.

Чуть позже листал «Щелкунчика», которого, как выяснилось, тоже написал «Аиксандый Сегеевич Пуськин». Я попыталась защитить авторские права Гофмана, на что шкет сообщил (наставительно подняв указательный палец):

— Все! все казки написай Аиксандый Сегеевич Пуськин!

4 года

Посмотрели вчера кусочек балета «Пиковая дама».

А, надо сказать, произведение мы читали. Как-то я ошалела от Дюймовочек и Щелкунчиков и сказала, что буду читать только интересное мне. Душа просила Пушкина. И что вы думаете, за три вечера прочитали «Пиковую даму». А ведь я замолкала сразу, как шкет засыпал. Что, любопытно мне, он понимал? — там больше половины слов незнакомые. Наверное, просто слушал, как музыку.

(Для полноты картины. Воодушевленная успехом,

на четвертый вечер я взялась за «Барышню-крестьянку». Не успела еще дойти и до приезда Алексея Берестова к отцу, как из кроватки раздался хриплый шепот: «Мама… давай пъё Бабу Ягу…»)

Так балет.

Мы включили телевизор на сцене с графиней. Германн достал пистолет: ах, ох, резвая графиня задрожала, пару раз подпрыгнула, взлетела — и умерла. Германн вернулся к себе домой. Шкетович смотрел напряженно и задавал вопросы: «А это кто? а куда он пъигает? а почему?» Я объясняла: его зовут Германн, ему плохо, тяжело, совесть мучает — считай, человека убил. Германн кинулся на колени и сжал руки. Это шкет понял без моих комментариев — Германн молится. А потом Германн встал вниз головой, подняв высоко одну ногу, и стал поворачиваться на другой ноге вокруг собственной оси. Шкет спросил: «Сьто это он?» Объяснить, какое душевное движение выражается такими пластическими средствами, я не смогла.

* * *

Ходит, бормочет себе под нос. Вылавливаю:

— … это будит сказка п'о петушка-топушка, куочку-топуочку и п'о цыплят-топотлят. Пойду скажу Пушкину, штобы написал такую сказку.

Уходит на кухню. Слышу: «Пушкин!..» — дальше бормотание.

* * *

Пересказывает своими словами «Сказку о царе Салтане»:

— И тут появилась эта цаевна… звезда вот тут! — (тыкает себя в лоб) — Как ее звали? Не помню. А! цаевна-гусь!

7 лет

Нужно почему-то было встать рано-рано, еще по темноте. Разбудила Ф в четыре утра. Заходит в ванную — глаза открыты, но не проснулся совсем. Чистит зубы. Вдруг, вынув щетку изо рта, торжествующе:

— Когда у Пушкина была дуэль с Дантесом, Пушкин не погиб сразу. Он прожил еще три дня и успел написать еще много-много книг!

8 лет

Обычно Ф начинает представление незаметно, но иногда я все же отслеживаю момент — когда все переключается

с положения «реальность» на положение «игра».

Вот он ползал по участку, смотрел на жизнь муравьев. Потом ушел в сарай, взял там бамбуковую палочку тонкую.

Вышел. Ходит с нею. Изящно ходит. Палочку вертит. Я минут пять подождала (хоть он с самого начала ходил для меня; это тоже интересно — вроде и далеко, а вроде и в мою сторону), потом подошла:

— Здравствуйте.

— Добрый день! — (палочкой помахивает, лицом выражает).

— Вы кто?

Моментально, даже секундной паузы нет:

— Александр Сергеевич Пушкин.

— Куда идете?

— На свидание.

— С кем?

Делает стремительный и широкий шаг ко мне, берет мою руку, целует:

— С вами!

Еще один такой же шаг — и вдруг обнимает меня за талию.

Лицо при этом неописуемое совершенно.

Я только и могу, что невнятно покудахтать.

Потом начинаем прогуливаться по двору. Под ручку.

Я, светски:

— Как поживаете?

— Хорошо.

— Что пишете?

— Стихи пишу. Поэзию.

— А почитаете что-нибудь?

Откашливается. Громко:

— Мороз и солнце! День чудесный!… — а дальше тихо, подборматывая, — И небо голубое… и листья шуршат… Ели стоят. И это все природа. Вот!

Отбрасывает в одну сторону тросточку, в другую — воображаемый цилиндр, орет:

— А теперь я иду купаться! — и бежит к бассейну, на ходу снимая майку.

«Акулина! друг мой, Акулина!»

* * *

Поругались, он торжественно поднимает палку с земли:

— Я вызываю тебя на дуэль! Чур я Пушкин, ты Дантес!

9 лет

Были в музее Пушкина на Пречистенке.

Подходим к знаменитому акварельному портрету Натальи Николаевны.

Я говорю — смотри, какая красивая.

Ф кивает.

Комментирую: считалась первой красавицей своего времени и своего круга.

Ф:

— А кто считается первой красавицей нашего времени?

Крепко задумываюсь.

Ф вдруг, совершенно серьезно:

— Я думаю — ты, мам.

(За день до этого он мне отвесил еще один подобный комплимент, но в куда более сомнительном антураже. В винном отделе супермаркета. Огляделся и сказал: из всех людей здесь — ты самая красивая.)

10 лет

Принес рисунок. Бумага, цветные карандаши. Некий дом с красными полосками из крыши, рядом человечки, у одного в руках что-то, напоминающее топор. В доме окно, в окне еще человечки с открытыми ртами.

Сурово:

— Догадайся, что это.

Я напряженно думаю и, зажмурившись, спешно предполагаю:

— «Дубровский», пожар в Кистеневке.

Он кивает и еще более сурово говорит:

— А в школе некоторые сказали — волосатый дом.

Потом кричит из своей комнаты:

— Найди мне подлинные изображения Дубровского! Я хочу сравнить со своим!

* * *

Три чудесных дня в Пушкинских горах.

Блаженство Ф омрачает только приблудный и (действительно) довольно неприятный кот, все время отирающийся около нашего крыльца.

Слышу из дома, как Ф кричит ему:

— Уходи отсюда! Тут даже дуба нет!

11 лет

Пришел ко мне с томом Пушкина (когда я такое пишу, мне

хочется саму себя осадить; цитируя того же Александра Сергеевича: «Сбавьте! сбавьте!»). Попросил прочитать «Моцарта и Сальери». Прочитала. Выслушал.

Чтоб уравновесить. После этого он собирал Лего и пел на мотив «Джингл беллз» песню — школьный хит: «Клей Момент, клей Момент, самый лучший клей, ты в трусы его налей, будет веселей, хей!».

* * *

Обсуждали, что бы нам почитать вслух. Остановились на «Выстреле».

Ф:

— Хотя я в целом представляю, в чем там дело. Фильм смотрел, правда, уже давно. Там дуэль, потом этот, как его, такой смелый, с итальянским именем… Фрунзе?

Бедный Сильвио!

12 лет

Возвращаюсь домой поздно, Ф уже в кровати, читает «Арапа Петра Великого». Когда-то — когда я еще читала ему вслух — мы его начинали, но не пошло. Долгую историю про связь с графиней я тогда пропустила.

Ф:

— А, хорошо, что пришла, у меня как раз вопрос есть. Вот это — это про что?

Зачитывает: «Новое обстоятельство еще более запутало ее положение. Обнаружилось следствие неосторожной любви. Утешения, советы, предложения — все было истощено и все отвергнуто. Графиня видела неминуемую гибель и с отчаянием ожидала ее».

Говорю — ну как же. Графиня беременна.

Ф, с лицом непроницаемым:

— Ну, и?

— И отец ребенка, скорее всего, Ибрагим.

— И?

— А он арап. Темнокожий. Ребенок, возможно, тоже будет темнокожий, а графиня…

Но тут Ф взрывается:

— И вот поэтому? Да что ж такое?! что за расизм? ну и темнокожий, и что ужасного?

Я ему — тшш, тшш, тут беда-то в том, что графиня замужем. И откроется ее неверность, вот что ужасного.

Ф, моментально теряя интерес к теме:

— Ааа, так это потому, что она замужем… вот что. Ну, ясно. Спасибо.

13 лет

С Ф не виделись неделю, и разговоры наши преисполнены взаимной нежности.

Ест клубнику. Поделись, говорю, ягодами со старушкой-матерью.

Не отрываясь от тарелки, наставительно:

— Александр Сергеевич Пушкин скончался примерно в твоем возрасте. И все говорили — какой молодой! какая безвременная смерть!

11 лет

— Я придумал историю про великих русских литераторов. Значит, так. Пушкина Дантес ранил, а Чехов с Булгаковым повезли его к себе в больницу. Они же врачи. Ну, пулю извлекли, но лежать долго. Возвращаются все к себе домой. Толстой по дороге говорит: как заместитель Пушкина, я пока буду тут главный. Смотрят — а у дома Дантес сидит. И спрашивает: ну, чо? Булгаков его хватает за шиворот: ах ты, сволочь, не смей сюда приходить! И в глаз его! А Дантес ему в челюсть — бац! Прибежал городовой, их разняли. А Булгаков за челюсть держится. Чехов говорит — дай посмотрю. Булгаков руку отводит, а там — рана!

Задумывается, замолкает. Молчит долго. Я, не выдержав:

— И что?

— А?

— Дальше?

— Ну, что. В больницу к Пушкину отвели, что.

Теория книг, сумерки стогов и другие важнейшие искусства

3 года

Смотрели Ла-Скаловский балет, «Ромео и Джульетту».

Шкет смотрел довольно вдумчиво, периодически спрашивая: «А ето она чего? а ето куда они посьли? а ето сьто он пъигаеть?»

Смотрит на Париса с Джульеттой:

— Ето сьто?

— Это, заинька, балет называется.

— Неть, не баеть, ето дядя и тетя.

— Ну да, а когда они вместе так красиво танцуют, это называется балет.

— Баеть, панятна.

Во время сцены в склепе, глядя, как Ромео страдает:

— А ето сьто?

— Это, Федь, он страдает.

— Патиму?

— Потому что у него любовь такая…

— Неть, ето ни юбовь, ето баеть.

4 года

Нас уже узнают в Третьяковке, где мы были третий раз за месяц. У шкета странный вкус. С моей подачи он наконец посмотрел «Явление Христа народу» (раньше игнорировал), но при этом так громко излагал свою версию евангельских событий, что какая-то экскурсоводица даже шикнула на нас, и мы ушли. Из зала Врубеля убежал. Долго-долго рассматривал: «Страшный суд» Васнецова, «Побежденные. Панихида» Верещагина, «Утро стрелецкой казни» Сурикова, «Иван Грозный убивает своего сына» Репина.

Рассматривал с комментариями:

— И цай заплакал — что жи я наделал? что я натворил? А все. Сын уже погиб, все.

Тут он замирает на секунду с воздетыми руками, в глазах слезы. Потом встряхивается — и деловито:

— Надо зеленкой помазать сына.

А трем богатырям и боярыне Морозовой он кланяется. Натурально — входит в зал и еще издали начинает кланяться.

5 лет

Опять побывали в Третьяковке. А там перестановка

(перевешивание), и нет одной из любимых картин Ф — «Страшного суда» Васнецова.

И вот ходит он по залам галереи и подвывает жалобно: «Ну где же Ст'ашный сууд… Ст'ашный суд — гдеее?..»

В остальном обязательную программу откатали: Иван Грозный с сыном, богатыри-стрельцы-боярыни… Долго сидел перед «Явлением Христа народу», потом ходил вокруг, разглядывал эскизы и восклицал: «А вот! а вот эта голова тоже п'инадлежит этой кайтине!»

7 лет

Ходили на выставку Левитана в ЦДХ. Там среди прочего выставлены «Сумерки. Стога».

Ф увлеченно читал все названия. И вот:

— Мама! — кричит на ползала, — Идем смотреть картину «Сумерки стогов»!

4 года

Шкет рассказывает сказку про гадкого утенка. Близится кульминация и завершение. Он умело понижает голос, подпускает таинственности:

— И тут он пъевъятийся — (голос замирает, а потом — восторженно) — в ГАДКОВА ЛЕБИДЯ!!!

* * *

Ходит, что-то напевает. Не «Бременских музыкантов», более взрослое. Прислушиваюсь — Берковский, стихи Самойлова:

Шуберт Франц не сочиняет,
Шуберт Франц не сочиняет,
Как поётся, так поёт.
Он себя не подчиняет,
Он себя не продает.

Собственно, получаются у него последние строчки:

— Он сибя ни пачиняить! Он сибя — (выразительная пауза) — ни пъядаёть!!! — (и мотает головой изо всех сил).

Недели через две лежал в кровати и полчаса перечислял то, что ему нужно подарить: яблоки и два мешка угля, паровоз и ружье («как зе я буду без юзья?»), черный бункер и стрелку (железнодорожную), яйцо, фонтан и свалку, две гитары — желтую и красную, барабан с палочками и трубу.

— И я буду игъять на тъюбе и буду сюбетсянц!

Что за «сюбетсянц» — мы долго не могли понять, а шкет безуспешно втолковывал.

— Ну сюбетсянц! Сюбетсянц! Сю-бет-сянц!!!

— Федь, ну что он делает-то хоть, объясни!

— Сюбетсянц… он ни сочиняит… запоёт…

— А! Шуберт Франц!

— Да, сюбетсянц!

Шуберт Франц не сочиняет,
Как поётся, так поёт…

6 лет

Посмотрел фильм про Пеппи Длинныйчулок. Не понравился. Теперь рассказывает сказку:

— Я шел по темному-темному дому. Зашел в темную-темную комнату. Там стоял темный-темный диван. Я отк'ыл его — а там лежит Пеппи. А рядом лежат ее чулки.

7 лет

Ф все лето по кругу смотрит «Трех мушкетеров». Досмотрит до конца — и снова начинает. Поэтому разговоры у него исключительно про мушкетеров.

— Я хочу быть всеми, кроме Портоса. Портос ведь что? не очень манерливый, правда?

или

— Эх, где бы мне достать кузину-белошвейку…

или

— Анна — королева Франции? а почему Австрийская? а почему брат у нее в Испании?

Попался на эту вечную удочку: сочувствует неверной жене и государственной изменнице.

Когда застревает между лестничных перил — восклицает: «Куда вас, сударь, к черту занесло?».

Говорю ему: Федор, единственный персонаж, заслуживающий в этом фильме внимания — во всех отношениях — это кардинал. Ф надувается: «Он ведет себя не как священник! танцует! в штанах!»

11 лет

В честь премьеры седьмого эпизода «Звездных войн» Ф все утро ходил и дышал как Дарт Вейдер.

* * *

Смотрим «Не может быть!» Гайдая, вторую новеллу, которая с Олегом Далем. И вот финальная сцена, где все ругаются и никак не могут разбиться по парам: «Эта с этим, а эти так».

Ф:

— Как-то плацкартно они себя ведут. Плацкартят!

5 лет

Едем в метро, вдруг Ф берет мою руку и сложенными с трубочку губами тянется к ней. Я спрашиваю — ты чего это, что с тобой, откуда?

— А так князь — (старательно выговаривая) — Андъей Болконский п'осил у Наташи Ростовой ее руку.

— А ты их откуда знаешь? — *(кстати, не могу сказать, что меня больше удивило: знание персонажей или практически безупречная буква Р в Наташиной фамилии)*

— Кино с бабушкой смот'ел. П'о Бородино и как Москва горела.

— Ааа… Значит, просил поцеловать?

— Пъосил поцеловать и жениться. Но его на войне убило… — (вздыхая) — И Наташа Ростова женилась на Пьером Безуховом.

— На Пьере Безухове только. Замуж вышла.

— Да. — (снова вздыхая) — Вышла. Андъей худой, а Пьер толстый.

Не утерпев, задаю ему вечный вопрос:

— А тебе кто больше понравился, Андрей или Пьер?

Смотрит на меня, как на дурочку:

— Наташа вообще-то!

8 лет

Фильм отпуска-2012 — «Обыкновенное чудо». Смотрели вперед, назад, наискосок, целиком и фрагментарно.

Спрашиваю:

— Тебе нравится Медведь?

Иронически:

— Мама, это странно, если мужчине нравится Медведь.

Ему нравятся Король и Министр-администратор. Когда Миронов первый раз появляется — цилиндр, трость, апломб — Ф восхищенно крякает:

— Ых! Прямо — Иоганн Штраус!

Про Принцессу:

— Странная внешность. Пятки — грязные. Вид — детский.

Спрашивает:

— Как это — мама умерла, когда принцессе было семь минут от роду?

— Умерла при родах.

— А! — и медленно, задумчиво, — Та же ситуация была и у Болконских…

7 лет

В электричке. Остановка, Мытищи. Все вышли, все вошли, расселись, а электричка стоит, не едет. Тихо.

Ф смотрит в окно:

— Мы-ти-щи. — (поворачивается ко мне — и громко) — Здесь Наташа Ростова… — (пауза) — была, когда они бежали из Москвы… — (пауза, вагон внимает) — и тут встретила князя Андрея.

Надо, наверное, сделать табличку: «Он просто смотрит телевизор, и у него хорошая память».

8 лет

Ф, отрываясь от книги:

— Скажи, ты удивляешься?

— ?

— Удивляешься и радуешься, наверное?

— Чему вдруг?

— Что я в последнее время много стал заниматься русской литературой.

(Это значит, что он в последнее время действительно довольно много читает.)

Через несколько часов сердится, кричит:

— Все! я бунтую против вас! я уйду отседова!

Я говорю — приехали, что за «отседова». Бабушка, меланхолично:

— Ну как — последствия занятий великой русской литературой.

9 лет

Подходит ко мне — и очень серьезно:

— Мама…

— Да?

— А вот «Гамлет» Шекспира… Можешь немного рассказать, в чем там было дело?..

Рассказываю, как могу, Ф прерывает, грозит пальцем:

— Мать моя! ты торопишься. Не хочешь мне всего рассказывать. Смотри, не ухитряй меня!

* * *

Поздний вечер, работаю в своей комнате, вдруг дверь открывается, тихонько входит Ф в пижаме. Садится на пол у книжных шкафов.

— Это что такое?

— Я тут посижу.

— А спать кто будет?

— Я спать не буду, я тут посижу.

— Что случилось?

Подчеркнуто сухо, старательно сдерживая эмоции:

— Я читал «Собаку Баскервилей». Спать не получится.

* * *

— Совсем я не ознакомлен с «Детьми капитана Гранта». Расскажи мне общую теорию этой книги.

* * *

Слушаем в машине Никитиных. Ф относится к текстам внимательно и даже придирчиво.

Про «Александру-Александру»:

— Странные люди. Все куплеты поют про Москву, какая она хорошая, ясени тут растут. А припевают — про совершенно другой город.

— Про какой??

— Александров, Александров — этот город наш с тобою. Странные люди. Если так нравится Москва, то почему их город — Александров?

Про «Бричмуллу»:

— И удвоил в пути небольшую семью… то есть, у них родилось двое детей? они выезжали с женой, а потом родилось двое детей. Сколько же времени они ездили? Как минимум девять месяцев — но это если у них двойняшки родились, а если не двойняшки? Мам? сколько они ездили?

* * *

Были в музее-усадьбе Льва Толстого в Хамовниках.

Там Ф проявил себя настоящим толстовцем: рассматривая комнаты камердинера и экономки, громко осуждал эксплуатацию человека человеком. «Слуги — это нехорошо!»

Вышли из музея, на улице голуби гуляют. Ф: «Голуби такие важные, будто они тоже из рода Толстых».

10 лет

С тех пор, как он активно начал читать сам, я избавлена от его любимых книг. Не могу, не могу я «Незнайку» читать. Или Волкова. Или про Алю и Кляксича. Так что это он читает сам, а если уж просит меня — то книгу выбираю я, такой у нас уговор.

На днях долго засыпал, вертелся. Посиди со мной, говорит. Почитай. Я говорю — помнишь, читать буду свое, идет? Идет. Стихи, говорю, буду читать взрослые, серьезные — идет? Идет.

Тут я ему все стихотворения Юрия Живаго и выдала.

Сначала название говорила и коротенько поясняла — о чем. Стихотворения так до десятого. Потом вижу — засыпает вроде. И начала читать без названий и пояснений, уже для себя, так.

На следующее утро, замерев над школьным свитером (о, каждодневная медитация над одеждой), Ф спрашивает:

— Мама. А вот у Пастернака, — (с пояснительной интонацией) — у Бориса Пастернака…

Спасибо, говорю, а я-то уж думаю — у которого из.

— Да, у Бориса. Вот у него — свеча горела на столе, да? А потом человек плачет. Почему плачет?

Я торопливо, как алфавит, быстро повторяю-проборматываю про себя все стихотворение: метель, скрещенья рук, два башмачка, и воск слезами с ночника…

— Федь, это не человек! это воск, свеча! и воск слезами с ночника на платье капал! свеча горела же.

Сурово:

— Никакая не свеча. Плакал человек.

— Да свеча же, говорю.

— Человек! — (со всем напряжением мысли и памяти) — Он видит ее и тихо плачет.

Ах, да.

И наколовшись об шитье
С невынутой иголкой,
Внезапно видит всю ее
И плачет втихомолку.

Следующее стихотворение за «Свечой» — «Разлука».

11 лет

На восторженном выдохе:

— Мама!.. мне так нравится капитан Блад!..

(Радуюсь, потому что любимого Сабатини я ему подсунула.)

— …я уже на сто девяносто седьмой странице — из трехсот тридцати!

(Радуюсь еще больше — правильно склоняет числительные!)

* * *

В школе читали — куда деваться — «Муму».

— Мам, давай играть: я кратко описываю произведение, ты угадываешь. Начали? Некрупное животное было невозлюблено и по не своей воле высокого сильного человека утоплено.

Эту игру мы полюбили, и Ф, как правило, обыгрывал меня вчистую. «Плод труда людей убил человека!» — это про «Каменного гостя». Не угадала, конечно же. Зато он сломался на моем беззубом «Ёжике в тумане».

Я

— Маленькое млекопитающее в неблагоприятных климатических условиях.

Он, подумав:

— Снова Муму, что ли? Куда уж неблагоприятней…

Так посрамлены бывают интеллектуалы.

* * *

Вечер с Ф: посмотрели половину «Ромео и Джульетты» Дзефирелли, поговорили про школу, поругались из-за нее, помирились, спели хором «Хей-хей-хей, под кроватью старый таз», послушали кое-что из «Кино», потом Ф стал мне читать рэп собственного сочинения. Про девчонку красивую, а ее на дискотеку позвал один, а завтра экзамен, она не пошла — и сдала, а он не сдал, в армию попал, а она ждала-ждала и дожда-лась, а после поженились, но вот беда — он разбился…

Я в ужасе:

— Как разбился?!

Ф, моментально ориентируясь:

— Нос разбил — с полки упал — когда ехали к его отцу — в А-на-дырь!..

А за другой вечер Ф, кроме того, что сделал уроки и повздорил с бабушкой: послушал каватину Фигаро в двух разных исполнениях, прочитал в интернете про судебный процесс над Бродским и подробно расспросил меня о том, что такое тунеядец, поговорил с бабушкой о МХАТах, Горьком, Чехове, дописал первый том своего романа и дал нам его почитать, прослушал в моем исполнении бОльшую часть четвертого действия «Ревизора».

И бессчетное, бессчетное количество раз посмотрел

на ютьюбе «видюхи», в которых мерзкими голосами какие-то невнятные чуваки комментируют игру «Майнкрафт».

* * *

Ест лечебный куриный бульон и ругается: это разве суп? Это вроде того суп, что Хлестакову в гостинице подавали.

* * *

Взялся было за «Собачье сердце», но быстро отдал это мне, оставив для личного чтения Робинзона Крузо. Теперь по вечерам, когда хватает сил и голоса, я и Шарик, я и Борменталь. Актерствую.

Чтение вслух позволяет не заострять внимание на яичниках обезьяны («25 лет, клянусь Богом, профессор, ничего подобного!» — «Чего ничего подобного, мам?» — «Да так, радости жизни». И кто скажет, что я вру?)

Днем ходит и подборматывает: «Мы к вам профессор, и вот по какому поводу», «Поставить городового рядом с каждым человеком» и т. п. Подборматывает странно, вдруг, не всегда уместно, чисто по-шариковски.

До пересадки семенных желез пока не дошли.

* * *

Дочитав «Собачье сердце», взялись за «Мастера и Маргариту» (замечу в сторону — насколько все иначе воспринимает человек, которому Евангелие знакомо с детства). Читаю по-прежнему я, вслух, продолжая вкладывать в чтение свои нереализованные актерские способности и амбиции.

Ф по-мужски интересуется, когда уже появится Маргарита. Предвижу много вопросов по поводу ее мужа. Поэта Рюхина вот он жалеет до слез. Говорит — человек не виноват, что он бездарен.

Прочитав соответствующую главу, спрашиваю — как тебе сцена бала?

Он, скучным голосом:

— Ну, так. Бал как бал. Да даже и не он это. Так, преступная тусовочка.

* * *

Сказала, что в ближайшее время куплю билеты в Ленком на «Женитьбу Фигаро». Между делом упомянула, что спектакль — 16+, но проблем быть не должно.

Ф спрашивает, почему 16+.

— А там обнаженную женскую грудь показывают.

Ф, возмущенно:

— Идиотизм! И из-за этого — 16 плюс?!

Я:

— Ну, видимо, опасаются, что это смутит подрастающее поколение.

Ф:

— А античность? Античность им ни о чем не говорит? Античные статуи? И вообще, я считаю, каждый школьник должен привыкать видеть обнаженную женскую грудь.

Мы с бабушкой синхронно сжимаем челюсти и делаем непроницаемые лица. После небольшой совсем паузы говорю:

— Я бы брала шире. Каждый человек, невзирая на пол и возраст, должен привыкать видеть обнаженную женскую грудь. Что такого? Почему только школьники?

Ф, уже рассеянно, уже думая о другом:

— Ну, понимаешь, в школе ИЗО. Изобразительное искусство. А какое изобразительное искусство без обнаженной натуры?

Кстати. В художественном музее Нижнего Новгорода Ф, пристально глядя на «Русскую Венеру» Кустодиева, сказал: «Хоть это и явные 16 плюс, я смотрю, и ничего страшного со мной не происходит».

Посмотрев спектакль Ленкома, нашел в интернете «Женитьбу Фигаро» театра Сатиры, с Мироновым. Выучил спектакль наизусть. Вчера читает Википедию (любимое занятие), статьи про актеров. Вдруг ахает:

— А Марселина-то!.. то есть — Пельтцер! Умерла уже, что ли?

Я говорю — да, и давно.

Сокрушенно качает головой:

— Все пропустил. Все пропустил.

* * *

Сага о Гоголе в трех частях:

Часть первая

Ф дочитал «Вия».

Выяснилось, что до «Вия» он не знал, что такое веки. Даже где они. Он думал, что это где-то в районе локтевых суставов. Сын хирурга!..

Часть вторая

Вуаля. Ч.т.д.

Не спит и боится. Говорит — только закрою глаза, как вижу железный палец Вия.

Часть третья

До часу ночи он читал «Вия» вслух, утверждая, что это прогоняет страх.

Уснул в спальнике в коридоре, на полпути между моей и своей комнатами.

Великая русская литература, слава тебе.

* * *

Лето, Крит.

Заснула на пляже под шум волн в обнимку с биографией Чехова. Ф меня будил, очнулась от его вопля: «Анна Андреевна! Вставайте! Вы сгорите с Антон Палычем!»

По пути к критским достопримечательностям развлекал меня пересказами греческих мифов.

Я несколько невпопад комментирую рассказ о Минотавре:

— И все-таки я не понимаю, как это — влюбиться в быка.

Он серьезно отвечает:

— Легенды утверждают, что бык был очень красив. Очень. Даже прекрасен.

* * *

Читает «Маленького принца».

Прибегает:

— Это великая книга!

Спрашиваю — дочитал уже?

— Нет! Но просто очень захотел тебе сказать!

Уходит, возвращается:

— Знаешь, почему великая? От нее в горле как-то не по себе.

Уходит, возвращается:

— Особенно когда он говорит ему: «Нарисуй мне барашка».

Убегает. Кричит из своей комнаты сквозь слезы:

— Это все из-за уменьшительно-ласкательного суффикса!

Топание и братие

4 года

— Знаишь, что такое война? это когда к нам п'ишли немцы. Это когда были твубачи *(трубачи)*. Они твубили и они погибали…

5 лет

Интересуется историей войн, рассказываем ему понемногу: Куликово поле, Бородино… Как и следовало ожидать, смешались в кучу кони, люди.

22 июня начинаю: вот, говорю, в этот день, давно, шестьдесят семь лет назад, на нашу страну напали враги…

Перебивает:

— Да! знаю! татаро-монголы!

* * *

…И все время с кем-то сражается, все время падает «ранетый и погибнутый». В его голове смешались Великая Отечественная и просто Отечественная войны, и он утверждает, что наши войска подожгли Москву, чтобы она не досталась немцам:

— Штобы им никакие вещи не остались! Ничего! Ни т'она *(трона)*, ни сыра!

* * *

Были в Сергиевом Посаде. Рассказали, как князь Дмитрий перед битвой приезжал к преподобному Сергию. Еще купили книжку, где и Сергий Радонежский, и битва, и Дмитрий Донской, и теперь свекровь на ночь читает Ф усыпляющим голосом: «Все поле было усеяно мертвыми телами…»

* * *

Ф играл в очередную войну, потом пришел и потребовал написать поздравление победителям. Продиктовал сам:

«Поздравляем с победой при Штатано. Здесь храбрые Федины воины сражались против доусонов, и многие погибли».

Что за Штатано и кто такие доусоны — не знаю. Но лаконизм текста весьма симпатичен.

* * *

Разговаривали с ним про кружки и секции — пыталась понять, куда его записать.

Ф легко и безмятежно разметал все мои планы и надежды:

— Никуда не пойду. Ничем заниматься не буду.

Я, мысленно поднатужившись:

— Федь. Ну а вот что тебе интересно?

Ни секунды ни медля:

— Мне интересно п'о Бородино: Даву и Ней, знаешь? они для нас были плохие, а для ф'анцузов хорошие, потому что они были их генералы.

* * *

Утром приходит с карандашами и бумагой:

— Нарисуй мне ставку Кутузова!

Говорю — ты с ума сошел, я не умею войну, это к папе.

Он картинно удивляется:

— Да что там рисовать? П'осто холм.

Я вспоминаю — действительно, там, где ставка была, просто холм.

Рисую холм.

Ф, заглядывая через плечо:

— А теперь стульчик на нем.

Удивляюсь, но рисую стульчик.

— А на нем человечка.

Рисую.

Ф, удовлетворенно:

— Ну вот и Кутузов

6 лет

Посмотрел «Александра Невского», старый фильм. Очень был впечатлен, бегал по дому в лондонском полицейском шлеме, с хоккейной клюшкой, топил ливонцев в паркете.

* * *

Несколько вечеров подряд разыгрывал какое-то военное представление. Сам себе сценарист, режиссер и актер.

Значит, сначала появляется он, который не-Федя. Объявляет:

— Сейчас отсюда выйдет Федя со своей армией!

Убегает в коридор, оттуда кричит:

— Он идет! вы слышите его топание?

Потом выходит Федя-Федя, действительно — топает, брови

имеет нахмуренные. Останавливается, делает рукой несколько рубящих жестов, невнятно отдает какие-то команды. Что-то вроде «поднять знамя». И уходит.

После пятого одинакового выхода я бормочу:

— Что-то Федя в этой пьесе немного… однообразен…

Мабушка, сразу же:

— Роль такая. Бурбон.

7 лет

Забираю Ф из школы, их класс гуляет на площадке. Бегают группкой: впереди один мальчик, Аркадий, а остальные мальчишки за ним, с лопатами в руках. Ф тоже с лопатой. Потом объясняет:

— Мы в войну играли. Аркадий был знаешь кто? Жуков.

— А ты?

— А я был простой русский солдат.

Рассказал, что мальчишки обстреляли автобус с девочками (автобус-песочницу):

— Но ты не ругайся, мама. Они были фашистские девочки.

Потом:

— Сражение у автобуса началось как в Ленинграде, а закончилось как в Сталинграде.

В другой раз забрала его из школы пораньше, когда их класс только вышел на прогулку. Все побежали на площадку, а Ф пятился задом, глядя на своих, и комментировал: «Вот все уже вооружились граблями… девочки спрятались за верандой… их это не спасет, это открытое место…»

Получила от Ф письмо:

«ДОРОГАЯ МАМА.

ДИСАНТНЫЙ ПОЛК ЭТО ПОТРИСАЮЩЕ.

У МИНЯ ВСЕ СКЛАДЫВОЕЦА УДАЧНО.

ГИНЕРАЛ ОРКАДИЙ ЛИЧНО ОТМЕТИЛ МЕНЯ И ДОВЕРИЛ МНЕ ОПАСНУЮ РАБОТУ — РОСТРЕЛИВОНИЯ БЕРЛИНА».

* * *

Смотрел на компьютере интерактивную карту военных действий Второй Мировой, приговаривал: «Эх, ты, Черчилль-Черчилль… ну что же ты такой-то… трудно тебе было второй фронт сразу открыть?»

* * *

Изображая Ю. Левитана: «Говорит Москва! Наши войска перед братием Праги…»

* * *

— Мам, ты знаешь, что немцы брали хорько́в два раза?!

— Хорько́в? каких хорько́в?

— Мама! ХАрь-ко́в!

* * *

Рассказывает про школьные войны:

— У меня было ранение, и еще одно. И еще. Двадцать ранений!

— Господи, где же эти все ранения-то были?

— В груди. Все в грудь. Все время меня в грудь роняли.

5 лет

— Мам, а вот что такое — *(дальше немного неразборчиво)* — любови побольше?

— Что?

Опять не совсем четко, но я все же слышу:

— Любови побольше.

— Нуу…

Начинаю выкручиваться, рассуждать об отвлеченном. Любовь, и почему всем хочется, чтобы ее было побольше.

Терпеливо выслушивает, потом спрашивает:

— А когда было?

— Что?

— Оно.

— Что?!

— Ну, когда ливонцы на нас напали?

Ледовое побоище!

Ты историк, не смейся

6 лет

— А царь Петр — он был хороший или плохой?

Д объясняет, что не все так однозначно, кому хороший, а кому плохой.

Ф:

— Да! Вот стрельцы, которых он казнил — им было неприятно.

8 лет

— А знаешь, что будет, если в шахматах будут не черные и белые фигуры, а только черные? Или только белые?

— Неразбериха?

— Нет! гражданская война!

* * *

Играет с бабушкой.

Слышу его обиженный голос:

— Ну, все, чур теперь ты будешь Калигула, а я Клавдий.

* * *

Летом в Царском селе. Сидим на травке под сенью древ, Ф смотрит на Екатерининский дворец и говорит, сокрушенно качая головой:

— Жаль. Жаль-жаль-жаль…

— Чего?

— Жаль, что Екатерина Вторая не дожила до революции. Она бы ее не допустила.

Я молчу, не зная, как комментировать. А он развивает мысль:

— Хотя — хорошо, что не дожила. Она была бы очень расстроена тем, что Николая Второго и его семью казнили.

Я напоминаю: так она бы не допустила революции же. И казни не было бы.

Он, задумчиво:

— Да. Тогда все-таки жаль.

* * *

В школе сказали, что будут делать манту, туберкулиновую пробу. Ф не хотел, по дороге в школу устроил упредительный скандал. Пришлось провести просветительскую работу в сжатые

сроки (три минуты).

Ф, внимательно выслушав, все еще всхлипывая и покряхтывая:

— Туберкулез? туберкулез, говоришь? Знаю туберкулез. От туберкулеза умер король Англии Эдуард Шестой. Тюдор. Единственный сын Генриха Восьмого.

И, помолчав:

— Ладно, ставьте эту вашу дурацкую пробу.

9 лет

Новая идея, захватившая его целиком. Называется «Дом замечательных людей».

Представляешь, говорит, дом, где живут вместе всякие знаменитые люди — писатели, военные, ученые.

Зачем, спрашиваю.

Ну, просто. Представляешь — все вместе! живут! Пушкин, Лермонтов, Петр I, Екатерина II, Багратион, Кутузов…

И что, спрашиваю.

Что что? Ничего! Все вместе! живут! Лев Толстой еще. Левитан. Еще Моцарт.

Я говорю — вроде ты до того только россиян называл? с Моцартом не ошибся?

Он возбужденно мотает головой — берем всех! Ньютон! Александр Македонский!

— У них такие у всех будут отдельные свои комнатки, а кухня общая. А что с ванной делать — я пока не знаю.

Я:

— Ну как что? отдельно мужскую, отдельно женскую. Чтоб Екатерина мылась там, где все мужчины?! Кстати, почему у тебя там только одна женщина?

— А назови мне еще замечательных женщин.

— Валентина Терешкова. Женщина-космонавт.

— Нет, мама! Мы туда берем только людей из прежнего времени. Из дореволюции.

Бабушка подсказывает:

— Софья Ковалевская.

А я в последнюю секунду прикусываю язык и не называю Софью Перовскую. Хоть она и из дореволюции.

Потом бабушке рассказывает:

— У Ньютона была служанка, она пришла к Пушкину и сказала: Пушкин, там к тебе Пущин приехал. Пушкин говорит: ну что, Пущин, тебя не повесили? А тот говорит — нет, Петр Первый сказал только главарей вешать.

Бабушка ему говорит — вообще-то, тогда был Николай

Первый, если ты о декабристах; и вообще — главари! — что за разбойничья терминология?

— Бабушка! Не мешай мне! У меня в Доме замечательных людей все по-своему!!!

«Вырасти Хармса в домашних условиях».

* * *

Утром, когда я еще спала, зашел ко мне, стащил с тумбочки мой телефон и стал играть в игру — надо разрушать какие-то решетки из разноцветных молекул.

Спрашивает, не отрываясь от телефона:

— Маааам… а почему этих молекул надо уничтожать? они плохие?

Я в полусне бормочу — почему плохие, это такие маленькие частицы, из них все состоит, такие ни плохие, ни хорошие молекулы…

Деловито, по-прежнему не отрываясь от телефона:

— Как император Тиберий?

От удивления просыпаюсь.

Поясняет:

— Император такой был римский. Ни плохой, ни хороший, всего понемногу.

* * *

Ф увлекся династической темой.

По квартире разбросаны открытки с портретами всех Романовых (Анну Иоанновну и Анну Леопольдовну с младенцем Иоанном Антоновичем он раздраженно кидает под кровать со словами: «Не надо мне этого междуцарствия»).

Также он задает Яндексу вопросы: «Наполеон 4 чей был сын?», «Тюдоры и Виндзоры роцтвеники?»

Долго и внимательно изучает генеалогические деревья и приходит в восторг от такого неактуального факта, как родственный союз Медичи и Валуа.

10 лет

Рассказывал про Потемкина и Орлова в следующих выражениях:

— Наверное, они враждовали. Наверное, встречались на лестнице во дворце и говорили друг другу: прекрати тусоваться с Екатериной! она моя девушка! — нет, это ты прекрати тусоваться с моей девушкой!

14 лет

— …ведь проблема взаимоотношений Генриха Плантагенета и Людовика Седьмого состояла не только в том, что Генрих отжал у Людовика жену…

10 лет

Что-то о Виндзорах (обычная для нас тема просто-беседы):

— …и он связал себя уздами брака.

Ну, что. Бывает. Бывает.

* * *

Смотрим «Корону Российской империи». Дело идет к концу, музейный старичок тянет время и про каждую картину рассказывает ab ovo.

— Авраам родил Исаака…

Ф — телевизору:

— Да знаю, знаю! Авраам родил Исаака, Исаак родил Ньютона…

* * *

Ходит на исторический кружок. После занятий выбегает воодушевленный. Пристегиваясь в машине, открывая бутылку с водой, пересказывает мне лекцию. Пересказ с жестикуляцией, слова быстрее мыслей, а я поддакиваю — довольно бездумно:

— Мама! Ты знаешь, что у Павла — ну, Павла Первого — был не один сын-наследник, а несколько! Много! Но из этой гурьбы сыновей только трое могли унаследовать трон! Только Александр, Константин и Николай!

— Дааа? А остальные почему не могли?

— Потому что остальные сыновья были женщины!

11 лет

Математическая задачка от Ф:

«Тиберий Гракх планировал отдать х кв. м. беднякам, Гай Гракх в 3 раза больше. Вместе 76,82 кв. м. Сколько хотел отдать каждый?»

* * *

— Из декабристов я бы хотел быть Трубецким! нет, он диктатором должен был стать, я бы не смог… Каховским! ой, нет,

он убийца. Пестелем? Но он жестоковат, правда? Рылеевым, вот!

Я говорю: нет уж, пожалуйста, не Рылеевым.

— А кем тогда? кем из декабристов ты бы хотела, чтоб я был? Анненковым?

(Ходит по комнате, заложив руку за спину, делает другой рукой какие-то движения: то прицеливается, то отдает честь, то еще что-то.)

— Ну? кем?

Ну, говорю, будь Пущиным Иван Иванычем, что ли… Коль такой суровый выбор.

* * *

На каникулах были во Владимире, ходили по музеям. Одна смотрительница — экспозиция «В гостях у прабабушки» — назидательно говорила, что до революции дети воспитывались строго, знали слово «надо» и не знали слова «хочу». Ф, в чей адрес это произносилось, раздраженно пробормотал: «Страну это не спасло».

7 лет

Одна из его записок, стиль летописный: «Настала теперь на даче лета страшнае. Жара. Ветер. И суш. И удивления». Подпись скромная — «РФ».

11 лет

Записался в школу юного историка при МГУ. Лекции и семинары: история России разных дореволюционных периодов, история СССР, история империй, история пропаганды… Расписание плавающее. Сообщая о планах на сегодня, прислал смс: «Пришел. СССР и России нет, иду на империи».

12 лет

— Сегодня Виктор Иванович *(школьный историк)* начал рассказывать про Арабский халифат. Всю историю с самого начала. И сказал: «Я сейчас на доске напишу название одного государства — постарайтесь быть серьезными, хотя я знаю, шельмы, будете ржать». И пишет — «государство Сасанидов».

— Ну и что, ржали?

— Ржали.

— И ты?

— Я, знаешь, так руки сжал и себе мысленно говорил: «Ты историк, не смейся, не смейся».

— И?

— И смог. Но очень трудно было.

* * *

Узнал, что в МГУ есть факультет глобальных процессов. Изумленно:

— И кто оттуда выходит? диктаторы Вселенной?

10 лет

Рассказывал о португальской королевской династии Браганса:

— …и короля с наследником застрелили — капец династии! Ну, то есть, их род прервался.

13 лет

Делится мнением о только что прочитанной исторической книге:

— В оценках я с автором во многом согласен. Но раздражает то, что он все время пишет «наверное», «возможно», «предположительно». Будто он думает, что чем больше таких слов — тем объективнее. Но! — (шмыгнув носом, вытерев его рукой и воздев вверх этой руки указательный палец) — не сомнение делает историка историком!

* * *

Предложила посмотреть кино. Ф ставит условие: только историческое.

Я:

— Может, «Последнего императора» Бертолуччи? Про Пу И, знаешь, это действительно последний китайский император… там Питер О'Тул играет, красавец и талант, и вообще — впечатляющее кино, декорации… да и просто — судьба героя, от владыки до нищего…

Ф, до этого молча благожелательно слушавший:

— Да ладно тебе, мам, — нищего… он маоизм принял, по правде или нет — но влился же? нормальную работу в Пекине имел, с Мао встречался… — (терпеливо подождав моей реакции) — Ты что-то еще хотела сказать?

* * *

Последний день на море, последняя прогулка, идем вдоль воды чуть печальные — жаль уезжать.

Ф трогает меня за руку:

— Давай, чтобы не было так грустно, расскажу тебе историю Китая в двадцатом веке?..

8 лет

Посмотрела историю браузера. Ф посещает и читает в основном Википедию. Запросы такие (случайная выборка):

Карл V
Реставрация
Дантон
Янукович
Батькивщина
Александр Друзь
Бубонная чума
Терек (футбольный клуб)

13 лет

Зарегистрировался в соцсетях, юзерпиком поставил портрет Колчака, на стене публикует фотографии Корнилова. Думаю подружиться с ним под видом Каппеля.

Никто не похож на тупика

12 лет

Вспоминаю что-то, спрашиваю — а ты помнишь?

— Ну, мам, ты спросила… это когда было? это ведь полтора президентских срока назад было…

6 лет

«Спокойной ночи, малыши» сегодня начались на пятнадцать минут позже. Потому что премьер-министр общался с народом. Ф, сторонник четкого ритуала («Спокойной ночи» — ванна — чай — кровать), расстроился и стал ругаться.

АС говорит:

— Ты что? это премьер-министр. Премьер! Первый, значит. Пусть поговорит.

Ф, подумав:

— Дед! а я считаю — «Спокойной ночи» должно начинаться вов'емя.

Д, наливая чай, полемично:

— Я тоже так считаю.

АС, переключившись на «мемуарный» тон:

— А вот, помню, когда-то «Спокойной ночи» отменили из-за концерта Магомаева. Так такой хай был! Вот, мол, эти взрослые, не могли подождать пятнадцать минут, дети из-за этого расстроились…

Д, все так же полемично:

— Магомаев — ладно! Магомаев — это еще ничего!

Ф:

— Папа! Дед! Вы мне мешаете!

Д:

— А ты что, смотришь? и что там?

Ф:

— Да он тут говорит с россияном.

7 лет

Сидим, пьем чай. Ф приходит последним — еле оторвался от рассматривания атласа птиц.

Разворачивает конфету. Задумчив. Откусывает.

И вдруг, неожиданно:

— А Путин похож на ту́пика.

Пауза. Всеобщее недоумение.

— Ну, на ту́пика. Птица ту́пик.

Вспоминаю ту́пика. Довольно яркая птица. С выразительным

клювом.

Говорю осторожно:

— Федь, ты знаешь, мне кажется — не очень-то похож.

Откусывает еще, мотает головой:

— Похож-похож! правда!

— Да чем похож-то?

— Да всем! — (с нарастающей угрозой) — Вот вы мне все не верите, а Путин похож на ту́пика!

Осторожный АС (1934 года рождения) откашливается:

— Очень может быть, что и похож. Очень может быть. Но вот в школе ты лучше об этом не говори.

— Почему?

И действительно, почему. Смотрю на Ф внимательно. Глаза ясные, в них вопрос.

— Федь, — говорю. — Прожуй конфету, проглоти и скажи четко — кто похож на ту́пика?

Жует, спешно глотает:

— Пуф-фин! Из «Принцессы Лебедя»!

(Мультик такой диснеевский. А Пуффин — птичка. Действительно похожая на тупика, да и вообще тупик по-английски.)

* * *

В новостях услышала, как Медведев, общаясь с правозащитниками, кажется, сказал «ни фига». Я его осудила. Некрасиво, говорю. Ф, с беспокойством:

— Неправильно? это плохо? он очень плохо сделал? его за это не накажут? с президентства не выгонят?

Кстати, всех мелькающих в телевизоре распределяет на факультеты Хогвартса. По цвету галстуков. Медведев вот давеча был в Пуффендуе.

8 лет

— Каддафи — дурак! Он не думает о простых людях! Не те, которые повстанцы, а которые просто хотели ему сказать — Каддафи, понимаешь, нельзя так долго править, это неправильно. А он их снарядами! Дурак. Дурак.

Я в ответ говорю что-то об испытании властью.

Ф, не слушая:

— Каддафи — дурак! А вот Муддафи — хороший человек.

Напряженно вдумываюсь. Вспоминаю последние политические события в арабском мире, прикидываю, что Ф о них известно, делаю поправку на особенности словообразования в его

речи.

— Федь. Мубарак, что ли?

— Да! Мубарак. Хороший человек. В отставку ушел.

* * *

Чтение книжек про египетские пирамиды совпало с последними событиями в Каире. Ф напряженно следил. Прибежал как-то радостный:

— Урррааа! Мубарак подал в отставку! мы можем ехать в Египет!!!

Нас-то, конечно, от поездки только Мубарак и удерживал.

9 лет

Ф в курсе процентного состава всех созывов Верховной Рады.

Разумеется, в курсе процентного состава всех созывов Государственной Думы.

Утром может заявить: какой важный сегодня день — день первого тура президентских выборов в … (тут название какой-то малозначительной страны; малозначительной в том смысле, что она не имеет никакого значения для нашей с ним повседневной жизни)

Любимое дело — «почитать Википедию». Разумеется, про политику.

Надо ли говорить, что я этого всего не понимаю и не разделяю. Экстатический восторг при виде графика с цветными кривыми — я не знаю, что там, падение популярности партии «Яблоко», например, — мне незнаком.

Ф до сих пор очень любит Смешариков, и поэтому все важные темы и сюжеты проигрывает в уменьшенном масштабе — в стране Смешариков Шарараме. Когда он тихонько подкрадывается, ласково берет тебя за локоть и вкрадчиво начинает: «Прошли досрочные выборы в Госдуму Шарарама», — все, пропал, не выбраться. Все узнаешь и про президента Ежика, и про агрария Копатыча, и про оппозиционера Кроша.

(Ежик — хороший президент, справедливый. Правда, неизвестно в каком направлении исчезли все, кто был против него, но в целом — он очень хороший президент. Госдума ерундовая, а президент хороший. И он все время говорит: уж эта мне Госдума, опять она не думает о Смешариках! уж я так ее и этак! и распускает Госдуму. Хороший царь Ежик, справедливый, а Госдума плохая).

* * *

Хочет создать партию «Ученическая оппозиция».

Говорит нам: я тут в школе речь произносил, оппозиционную. Вот такую. И он встает в позу, начинает рубить воздух ладонью правой руки и с очень уместной интонацией выкрикивать:

— В школе не хватает свободы! свободы и справедливости! свободу ученикам! долой власть взрослых! мы сможем! мы сами!..

Бабушка перебивает: перед кем речь-то произносил?

Ф, отмахиваясь:

— Да перед окном!

* * *

Были в гостях у Гоши. Гоша рассказал, что им в школе на «окружайке» (окружающий мир) дали задание — описать идеальное государство. Ф загорелся:

— Я считаю, что Шарарам — в принципе похож на идеальное государство.

Мы с гошиной мамой Олей стали спрашивать: а образование в Шарараме бесплатное?

— Совсем бесплатное, абсолютно, очень хорошее.

А медицина? и как она, медицина?

— Совсем бесплатная медицина, тоже очень хорошая, вылечивают всех.

А врачи, врачи — у них хорошие зарплаты?

— Вообще хорошие!

А деньги откуда на такую медицину и на зарплаты?

— Деньги? а государство деньги берет. В банке. Нет, на почте. А, нет, в этом, как же он, в благотворительном фонде! все туда кладут кто сколько может, а государство берет на медицину.

Мы с Олей вздохнули и спросили про дороги. Какие в Шарараме дороги? и не перекрывают ли их?

— Что вы! как только если какие-то плохие гаишники дорогу перекрывают — сразу президент Ежик приезжает и говорит: откройте дорогу! я с народом!

А ради кого ж тогда дорогу перекрывают?

— Плохие гаишники вдруг, их никто не просит, они сами!

* * *

Идем по улице, Ф как всегда головой вертит, надписи на заборах читает. Вдруг дергается, прикрывает рот варежкой, бежит ко мне:

— Мама! я такое увидел! сейчас тебе скажу. Ты меня извини. Ты ничего не говори, только ахни, ладно? Так — ах! Там написано было — ты извини — написано: «Путин» — и слово на букву Г. Мама, я понимаю, он, конечно, может не нравиться — но нельзя же так! так нельзя бороться! Да?

Конечно, да. Заберите меня в Шарарам.

* * *

Как-то встал утром раньше всех и пошел смотреть Евроньюс. Потом пришел будить меня. А я не выспалась, в голове туман. Ф трясет:

— Мама! вставай! мама! потрясающая новость! наконец в малине много стабильности

— ???…

— Я говорю — по Евроньюсу сказали, что в малине много стабильности!

— Федор, что ты мелешь, какая малина, какая, к лешему, малина в январе…

— Мама! Ты что? Я говорю: в Мали — немного — стабильности! Французские войска заняли какой-то аэропорт, а еще Гао и Тимбукту!

* * *

Перед сном рассказывал про придуманные им политические системы и политические партии. Нас привела в восторг партия Кирпич Ума (которая, по словам Ф, занимается образованием).

По-моему, Кирпич Ума — это просто в точку. Новые образовательные стандарты, например — это явное порождение Кирпича Ума.

* * *

Все время читает какие-то лекции для воображаемой аудитории. Круг тем — самый широкий. Но чаще всего политическое:

— Вся политика СССР была направлена на народ… но, конечно, народ ничего хорошего от этого не получал.

Между делом, небрежно:

— В Шарараме тоже увеличили срок президентства, тоже. Знаешь, почему? Тоже нипочему.

10 лет

Накануне выборов московского мэра Ф был взбудоражен. Разумеется, в стране Смешариков тут же тоже случились выборы. Кандидатов было шесть, всем Ф сочинил предвыборные программы.

Мой выбор — Совунья. Ее лозунги кратки и емки (авторская пунктуация сохранена).

«Борьба с нелегалами должна быть мирной.

Зарплата должна быть белой.

Напал сядешь.

Заболел спасем.

Спорту ура».

Но в нашей стране мечты выиграл Ёжик, как и ожидалось.

Вот, кстати, его программа

И да, он не сам по себе — он «Ёжик и коалиция опозиционеров».

Так программа.

«Коалиция опозиционеров была создана чтобы помочь во многом.

Ёжик предлагает:

Прозрачность ченовника.

Народ власть в раёне.

Борьба с корупцией.

Банки не забирают деньги.

Зарплата белая, формирует пенсию и нормальная.

Пробок и плохих дорог нет.

Ёжик лучший!»

Еще Ф снимает на планшет рисованные видеоролики на политические темы, озвучивает сам. На днях в стране Смешариков прошла инаугурация свежеизбранного Ёжика. Он сказал: «Я не переоцениваю себя. И я не буду говорить долго». Хоть я и болела за Совунью, но Ёжик молодцом.

13 лет

Позвал в гости своих товарищей по школе юного историка. Уточняю:

— Во сколько придут твои благородные сэры?

Он, не расслышав, серьезно:

— К четырем. Но эсер у нас, пожалуй, только Степан. Я, как ты знаешь, ближе к кадетам.

* * *

Завтракает, но видно, что мыслями — далеко, кашу не видит, чай не замечает. На лице глубочайшая озабоченность.

— Федь, ты чего?

— Да никак не могу определиться, как я отношусь к сербскому премьеру Вучичу…

* * *

Улетала на выходные к друзьям в Париж. Получила там смс от Ф: «Как положение Франции? в норме? Как относятся к Алену Жюппе?»

11 лет

Посмотрели фильм «Железная леди», про Маргарет Тэтчер.

Вот уезжает из дома в Лондон, а ее дети бегут за машиной: мама! мама! останься! Я с опаской жду, что Ф (домосед, довольно тяжело переносящий переезды и расставания) рассердится и обругает Тэтчер. Но он задумчиво говорит:

— А страна ведь тоже как ребенок. Тоже надо растить, беспокоиться, лечить…

14 лет

Ходил в горный поход, было трудно. Руководительница рассказала, как, желая подбодрить и отвлечь, отстала вместе с ним от основной группы и пыталась поговорить на интересующие Ф темы. Но Ф, пыхтя под рюкзаком, разговор вежливо прервал словами «Я сейчас как никогда аполитичен».

* * *

Юность пикейных жилетов.

— …Мировое сообщество этот шаг не одобрило, что глупо. Лично я — приветствую.

Пернатые с душой

11 лет

Ф, проливая слезы над какой-то книжкой:

— Когда я вырасту, стану книжным критиком. И вот вообще раскритикую всех писателей, которые в книжках обижают птиц и старичков!..

4 года

Сказали, что осенью заведем попугайчика — может быть. Шкет пришел в восторг.

— Да! Будит попугайчик! Зеленый! нет! синий! нет! желтый! Большой-пъебольшой! *(все время, пока говорит, ходит кругами)* Папа! Знаишь? у нас будит попугайчик! знаишь, папа? *(заглядывает в глаза и требует реакции)* знаишь? желтый, да! он будит летать, летать! *(машет руками)* и кушать гъибочки! да! гъибочки! *(папа осторожно говорит, что попугаи едят зернышки)* ну сьто ты, папа! наш попугайчик ест гъибочки! и ище фъюкты! да, мама? фъюкты! яблоки, и ище апейсины, и ище бананы, и ище клубники… а сыночек попугайчик не ест фъюкты! да, мама? не ест! сыночек такой! *(спрашиваю — какой сыночек)* сыночек попугайчик зеленый. Ёмочка его зовут *(Ромочка)*. Зеленый, да. Он ест молоко. Он будит летать, летать, а потом пъилетит и сядет ко мне на плечо, йот сюда. Да! сюда! *(вдруг останавливается, в глазах паника)* а он меня не поцаапаит? мама! не поцаапаит?! скажи ему, сьтоб не цаапал!

«Дали Мурочке тетрадь…»

5 лет

Попугай появился. Волнистый. Зеленый с желтой головой. Славный такой, занятный. У него даже язык есть!

Ф долго подбирал имя. Говорит — назовем «Попугай Из Зоомагазина». «Это у вас кто? — попугай из зоомагазина. А зовут как? — Попугай Из Зоомагазина». Потом название разрослось до: «Попугай Из Зоомагазина, Которого Купили Мама С Федей По Отчеству Денисович».

Но в итоге назвал Женей Колышкиным, в честь любимого на данный момент киногероя.

6 лет

Купили второго попугая — «жену Жене».

По дороге в зоомагазин Ф всем сообщал: «Идем покупать жену Жене Колышкину». Выбрали самую спокойную, как нам

показалось, попугаицу. Сидела такая разумная. Когда ее попытались пересадить из клетки, спокойная и разумная вырвалась и начала летать по зоомагазину. Сразу выключили свет, закрыли двери и все стали ее ловить. Опрокидывались коробки, рассыпался сухой корм, хомяки в клетках нервно шуршали… Ф беспокоился: «Что, Женя теперь будет без жены?». Наконец поймали. Назвали Глашей.

Когда зашли домой, Ф закричал:

— Женя! мы принесли тебе жену.

И потом, хлопая в ладоши, не терпящим возражений тоном:

— Женя! на свадьбу, на свадьбу!

Как оказалось, Колышкину наскучило одиночество. Похоже, он вообще из породы радостных подкаблучников.

Глядя на то, как Колышкин гарцует перед Глашей, Ф прошептал:

— Кажется, он начинает ее полюбливать!

* * *

Вечером, собираясь спать, подходит к клетке попугаев:

— Ну. Птицы. Спокойной ночи. — (размашисто крестит клетку). — Господь с вами.

Он король, властитель, тиран и отец всем обитателям квартиры.

7 лет

Глашка умерла.

Ф сначала повторял: надо срочно купить новую птицу, такого же цвета, назвать Глашей.

Этим успокоил себя ненадолго, но когда лег в постель — разрыдался: «Но Глаша была такая акробатка! Новая птица такой не будет! Глаши больше нет, нет!» Еще спрашивал, виноват ли он в том, что она умерла.

Плакал до полуночи. Потом затих, слезы вытер и совершенно трезвым голосом сказал: «Мама, что — вот так и жить с этим страданием?»

Колышкин поначалу ел-пил-чирикал, потом затосковал, повис вниз головой. Мы пошли и купили бирюзовую попугаицу. Ф назвал ее Соней. Птицы сидят вдвоем на палочке, разговаривают. У Евгения вид здорового утешившегося вдовца.

А Глашку похоронили. Закопали под приметной березой, Ф поставил там самодельный бумажный крестик и портрет с подписью «Глаша». Потом произнес речь, подробностей не помню, но там было про «птичий рай», «твои перья тут, а ты

там», «Соня не будет мешать нам любить тебя», «мы соберем всех друзей, посидим и вспомним о тебе», «когда у Жени и Сони родятся дети, мы выберем одного похожего на тебя и назовем Глашей».

9 лет

Купила в Икее перчаточную куклу — сову, милую такую. Привезла домой. Ф как увидел, так вцепился в нее, глаза горят: моя, моя!

Во-первых, он дал ей имя. Ее зовут Совуниана-Сарра.

— Мама, познакомься. Это Совуниана-Сарра.

— Какое странное имя.

— Нормальное имя. Она еврей.

(Пра-прабабушку его звали Сарра-Броха, пра-прадедушку Лейзер, и иногда он грозится сына назвать также Лейзером.)

Во-вторых, он дал ей биографию. У Совунианы-Сарры было два мужа. Имя, видовая принадлежность и национальность первого покрыты мраком тайны. Второй — Ворон. Армянин. А сын их — Владимир Соловей. Русский-прерусский, да к тому же оперный певец.

В-третьих, Совуниана повсюду. Я регулярно нахожу ее в своей кровати, на кухонном столе, в ванной, на унитазе, на подоконнике… Кричу:

— Федор, забери свою птицу из ванной! только аккуратно, она мокрая вся.

— Она мылась! и ее зовут Совуниана-Сарра!

Совуниану-Сарру Ф уважает больше, чем меня. Вот кричит из ванной:

— Я выхожу! убери Совуниану из моей комнаты! я не хочу смущать ее своей голостью!

Меня-то можно.

Любить — любит, а в поездку в Париж не взял. Сказал — боюсь, что потеряется. В самолете стюардессы подарили ему коробочку с игрушками-безделушками, и там лежал красный мягкий пушистый червячок, которого надо было дергать за ниточку, чтобы он подпрыгивал. Червячка звали Фликси. Вечером в гостинице Ф сидел и грустно дергал Фликси за ниточку. Потом сказал:

— Нет. Фликси не заменит Совуниану-Сарру. У Фликси нет души.

И бездушный Фликси остался в Париже. А Совуниана-Сарра дождалась Ф в Москве.

Тысячу раз победа

11 лет

Сидела в метро рядом с мужчиной, который читал газету «Советский спорт». Он ерзал, пинал воздух ногою, толкал меня коленкой, эхал, охал, хохотал, цыкал зубом, выкрикивал «Ну что ж вы!», «Вот так бы всегда!», «Может ведь!» и еще что-то нечленораздельное. Еще пихался локтями, когда разворачивал и сворачивал газетные листы. 25 минут мы ехали рядом.

И мужчиной этим был Ф.

И газету эту я ему сама купила.

9 лет

Летняя Олимпиада-2012 в Лондоне.

Ф болеет за всех подряд неистово, радуется всякой медали и всякому месту и требует от нас того же. Всякий вздох сожаления с моей стороны или со стороны бабушки вызывает извержение словесного вулкана: «Мама! бабушка! что?! опять! вы! опять вы! что?! все должны побеждать?! все должны забивать?! главное — участие! главное — выступить! ааааа!!!» Пьер де Кубертен был бы им доволен.

Но — весь, весь из противоречий. Когда наша женская сборная по гандболу проиграла кореянкам в четвертьфинале со счетом 23—24, Ф рыдал и, размазывая слезы по лицу, кричал: «Если бы я был президентом мира, я бы поехал сейчас в Лондон и отменил гандбол!!!» Как потом прокомментировал кто-то из друзей — хорошо, что не Южную Корею. А он бы отменил, с него станется.

Упорно не может отличить одну спортивную гимнастку от другой. Выходит Комова — он: «О! а сейчас Мустафина!»

Я говорю:

— Что ты! Мустафина — это темненькая. Красотка. Волосы темные. А Комова — светленькая, худенькая совсем.

Ф, доброжелательно глядя на гимнасток:

— Я никак не разберу, кто тут светленькая, а кто тут красотка.

Спокойствие и хладнокровие в семейном кругу сохраняет один АС. На все вопли Ф, ТС, а иногда и мои, он, не отрываясь от книжки или газеты, говорит одно: «Чай, не забесплатно работают».

* * *

Увлечения Ф похожи на стихийные явления. Ураганы, штормы или торнадо. Несется что-то на бешеной скорости, втягивает в себя все вокруг, крутит, вертит, разрушает и переставляет, а потом — ффуххх!.. — все падает и все спокойно. До следующего торнадо.

1812 год был? был.

Гарри Поттер.

Звездные войны.

Великая Отечественная война.

Кишечник и сердечно-сосудистая система.

Смешарики.

Выборы-выборы.

Монархические династии.

И проч.

Сейчас — хоккей и футбол.

Посмотрели фильм «Легенда 17», про хоккеиста Харламова.

То есть, сначала мы с мамой посмотрели в кинотеатре.

На сеансе я подпрыгивала, ахала, охала, кусала пальцы, била кулаками по подлокотникам, а головой по спинке кресла; мама косилась на меня недоуменно. Потом не выдержала. И когда на кадрах первого матча суперсерии я стала закрывать глаза руками и кричать: «Что они делают! что они делают!» — мама крепко схватила меня за руку и отчетливо сказала мне прямо в ухо:

— Анюта. Наши выиграют этот матч семь-три. Точно. Я смотрела еще тогда. Успокойся.

Спрашивается, отчего я удивляюсь Федору?.. Так вот, я скачала «Легенду», и она стала очередным Фильмом Отпуска.

Всю неделю на море Ф разговаривал исключительно с интонациями Олега Меньшикова, который в фильме играет тренера Анатолия Тарасова. «Тебе не больно, Харламов!» «Защищай ворота!..» и т. п. Несколько раз угрожающе назвал меня Валерой.

А еще в это время как раз проходил чемпионат мира по хоккею. После ежевечерней прогулки по берегу моря Ф усаживался в холле гостиницы с планшетом и смотрел турнирную таблицу.

Составил свою дрим-тим. Сборную мечты.

Перечисляет мне, кто в нее входит, а я реагирую на Фетисова:

— Федь, а тебя не смущает, что Фетисов уже в возрасте?

Он, досадливо, но снисходительно:

— Мам, я вообще-то еще и Харламова называл. Тебя не смущает, что он уже умер?

11 лет

Кто как готовится к финалу чемпионата мира по хоккею — кто ставки делает, кто пиво покупает, — а вот Ф съездил на Ваганьковское кладбище и возложил цветы на могилу «великого нашего тренера Анатолия Владимировича Тарасова» (тут в голосе Ф появляется некий рык а-ля Высоцкий).

10 лет

С некоторым трепетом, переходящим в ужас, думаю о приближающихся зимних Олимпийских играх. Потому Ф уже каждый день снимает на планшет придуманные выпуски спортивных новостей.

Из последнего выпуска:

«Ну а мы с моей клюшкой продолжаем репортаж…»

«Это было абсолютное безобразие прессы…»

«И это была победа, победа, победа, победа, победа, победа и тысячу раз победа!..»

Говорю — очень яркое описание победы, да.

Ф, саркастически: «Ну ведь не хуже, чем у Губерниева?»

В очередном выпуске — интервью с Совунианой-Саррой.

Совуниана, говорит, почему вы так плохо пробежали эту дистанцию?

(Лыжница она, наша Совуниана)

Голосом Совунианы сам же и отвечает:

— Ну, что вам сказать… Снег, мороз, радикулит.

* * *

И вот зимняя Олимпиада-2014 началась.

Я решила установить на планшете Ф приложение, где будут все турнирные таблицы, все очки, все результаты и т. п.

Установила.

Ф внимательно изучил. И еще раз изучил. И еще. Потом с подозрением промолвил:

— Это что?

— Это про Олимпиаду, Феденька, — сказала я робко.

— Это тут результаты? да? — с еще бóльшим подозрением спросил он.

— А как же! — закивала я.

— Это они что ли все тут ПОПРАВДЕ? — в голосе Ф был металл.

— Все как есть, все как есть! — стремилась я к полному провалу, не понимая того.

— А если я! захочу! чтобы! все! было! как я хочу! Как тогда?! как это все изменить?! — загремел Ф.

Так что приложения приложениями, а он рисует свои таблички, со своими результатами. Ушел из травмирующей реальности, в которой наши спортсмены падают, оступаются и ломают лыжи и палки.

* * *

Ф, с вызовом:

— А ты знаешь, что на школьной физкультуре я не участвовал ни в одной эстафете? Ни в одной! И у меня в журнале поэтому не стоит ни одной оценки, вот!

Я говорю — ну, значит, вашу учительницу это почему-то устраивает; не устраивало бы — она бы давно мне написала.

Ф:

— Может, она наконец поняла, что я — только мозг, мозг, мозг! А не мышцы.

Пока не закрылись ворота

2,5 года

За ужином, мне:

— Садись, мамачка. Садись, мама наша Настасья Петъовна.

Папе:

— А ты, Михал-Иваныч, гаваи: кто ел из моей чашки?

— Кто ел из моей чашки? — спешно прожевывая, басит папа.

— Тепей ты, Настасья Петъовна — гаваи! Гаваи — кто ел из моей чашки?

И так далее, по тексту «Трех медведей». В конце убегает «догонять девчонку Машеньку». Носится по квартире и орет: «Стой! стой, кому гаваят!!!»

— Что наша жизнь? игра! — задумчиво напевает муж и отец.

* * *

— Это моя гьядка. Там епка ястет.

— А поливаешь чем? водой?

Подумав:

— Неть. Чайком.

— И что же из этого получается?

— Чай с лимоним! А исё я поиваю маляком. И полутяеться маенькая каёва. Неть, не полутяеться. Она яботать усла. А исе я поиваю… — лихорадочно соображает, глаза бегают, — … съезками! Плакаю и поиваю.

— А после слезок что вырастает???

— Мойковочка! — (увлеченно) — А посьле соплей — помидоики!

* * *

— Когда я бый маенький, я бый антиёпа. Патём бык. Патём абизяна гаилла. А патём леф.

3 года

Знаете такую штуку: «рельсы, рельсы, шпалы, шпалы, ехал поезд запоздалый»? Под рифмованную чепуховину — что-то вроде простенького массажа спины. «Пришли утки — пощипали» — и легонько щиплешь спину. Шкету очень нравится.

Приходит: «Мама, делай мне ельсы-ельсы!»

Ладно, говорю, сделаю, но по-быстрому — работать нужно.

Начинаю.

— Рельсы, рельсы, шпалы, шпалы… ехал поезд запоздалый. Из последнего вагона вдруг посыпалась крупа. Пришли куры — поклевали. Пришли утки — …

— Исё пъишол петусёк!

— Да, пришел петушок, тоже поклевал. Пришли утки…

— И пъишли такие маааааенькие цыплёники, такие синочки цыплёники и дочки!

— Да, пришли цыплятки — поклевали. Пришли утки — пощипали. Пришел слон…

— Неть, сначала пъишол гадкий утёник и пощипал. Щипай!

— Пришел гадкий утенок — пощипал. Пришел слон…

— А потом пъишли гадкие лебеди!

— Гадких лебедей не бывает.

— Бывают!

— Они прекрасные!

— Гадкии! Гадкии!

— Хорошо, пришли лебеди… гадкие… пощипали. ПРИШЕЛ СЛОН — ПОТОПТАЛ. — (Молчание) — Пришел директор, поставил стол, стул…

— Не диеткой пъишол, не диеткой! Пъишол… Басисяцев! *(Не директор, а Бонифаций — см. мультфильм «Каникулы Бонифация», там лев Бонифаций ходит с директором цирка, и в сознании Федора это неразлучные и взаимозаменяемые персонажи)*

— Бонифаций?

— Басисяцев!

— … пришел Бонифаций. Поставил стол. Стул. Печатную машинку. И стал печатать письмо. Дорогой жене и дочке…

— Неть, не дочке, бабуське.

— Дорогой бабушке… три точки, три точки, три точки… посылаю тебе чулочки…

— Зёньтик!

— Зонтик… три точки…

— И сямосял!

— Зачем бабушке Бонифация — самосвал???

— Ся-мо-сял!!!

— Самосвал, хорошо. — (Скороговоркой) — сложил письмо, положил в конверт, запечатал, отправил. Все!

— Неть, не всё. Исё пъишол клойнь *(клоун)*.

— Федя, нет.

— Клойнь!

— Нет!

— *(голос поднимается до угрожающих высот)* Клойнь!!!

— Хорошо, пришел клоун…

— Попъигал.
— Попрыгал. Все.
— Пъишол дядя акабат.
— Акробат…
— Попъигал тозе.
— Попрыгал…

За следующие пятнадцать минут на Федькину спину пришли: жираф, дворник, Винни-Пух, бетономешалка, синий клоун, красный клоун, маленькие дети, Бармалей, бегемот, кран, колокольня, куранты, кирпич, мусор, ежик, арена («пъишла аена и упала на меня!»). Все!

* * *

Прочитали «Волшебника изумрудного города». Как и следовало ожидать, началась игра. Шкетович распределял роли. Сам он — Дровосек. Папу назначил Тотошкой, но, после уговоров и доводов, переназначил — Львом. Я — Страшила.

Вечером ходили с ним в супермаркет «покупать пъёдукты, патамушта они очень кончиись» (это «очень», кстати — изумительное. «Наступия очень ночь»). Всю дорогу громко пели про то, что мы идем в город изумрудный дорогой трудной. На Федю не откликался, только на Дровосека. А в магазине во весь голос вразумлял меня: «Стъяшилка! зачем нам хлеб? Мне нужно сейдце! А тебе, Стъяшилка, нужно мозги!»

Потом играл. Выключил в большой комнате свет, бегал с фонариком. Он был Дровосек, я (временно) Гудвин. Было это похоже на фильм ужасов.

Подбегает, направляет луч фонарика в лицо:
— Знаишь, какое маё жилание заветное?
— Какое?
— Сейдце! дай мне сейдце, Гудвин великий и ужасный!
— Бери!
«Берет», бьет себя в грудь и издает дикий крик:
— Уя! Сейдце!
Фонарик гаснет. Темнота.

Утомился, включил свет.
— Я снова зайжавел. Меня надо смазать.
— Маслом?
— Нет. Сыём *(сыром)*.

* * *

Проснулся утром и сказал мне: «Добъёе утьё! Ну сьто? ты кто? муха-цокотуха, да? а я комаик, да? я комаик!» И все. Он комарик, я муха-цокотуха.

— Федя!

— Не Федя, а комаик.

— Ну что, пойдем в сад?

— Не падём, а полетим…

И так далее.

Когда надевал куртку, решил было все переиграть: «Я гоёшек зеёный, ты епка, папа — кайтошка… Нет, не овощи. Я комаик.»

А когда я вернулась вечером с работы, он встретил меня криком: «Ну сьто, людоед?! как дела? съешь меня!»

* * *

Играл в директора и Бонифация-Басисяцева. Он был Басисяцев. Я была директор. Мне нужно было: положить голову льву в пасть (в отличие от мультяшного льва, этот кусался), купить ему банан, сказать «Бонифаций — талант!» и «Ты образцовый лев!». Все это на улице, громко.

* * *

Сегодня мы были слонами.

Когда я пришла за шкетом в сад, он кинулся ко мне с радостным воплем: «Здъяствуй, мама-слониха!»

Домой шли долго. Шкет, глядя на луну, наскоро сочинил историю: у луны есть папа — месяц, и друг — Большая медведица, и мама есть, и кровать есть. Ветер нес облака, казалось, что луна движется. «Смотъи!» — сказал шкет, — «Луна идет за нами из сада! Идет к нам в гости домой!» Потом ему это разонравилось, и он громко кричал, задрав голову: «Луна! слысыс? не пъиходи к нам в гости, сиди в своём доме на небе!»

* * *

Неново, но: вся жизнь — театр.

Шкет, в общем, довольно точно следует букве разыгрываемых произведений. Но иногда что-то путает, что-то забывает, и рождаются такие вот фразы:

— (мне) Вот твой топой, Золушка.

А если путаю я, то он мне спуску не дает.

Я:

— Послушай, Дровосек!

Раздельно, выразительно:

— Мама!!! Мы сегодня НЕ ПЪЁ Изумъюдный гоёд!!!

* * *

Самый частый у нас разговор:

— Давай, я буду медвезонок *(дятел, цыпленок, слоненок и т.п.)*.

— Давай.

— Ну, сьто? — (свойским тоном) — Слусай, мама медведица *(дятел, курица, слониха и т.п.)*.

— Мама-лошадь! Скажи: что, мой маленький лошадёнок?

— Мама-кенгуу! Скажи: что, мой маленький кенгуёнок?

Особенно меня радуют «мама-бегемотиха» и «мама-слониха». Еще «мама-обезьяна».

— Мама-свинья! Скажи: что, мой маленький поосёнок?

— (покорно и обреченно) Что, мой маленький поросёнок?

— А мы идем домой, в наш свинюшник, да?!

— Ну это уж!.. знаешь!..

— А все остальные свиньи идут в свои свинюшники, да?!

Вижу, что никого оскорбить он не хотел, успокаиваюсь.

Еще прелестные пары: гусеница-гусёнок, жучиха-жучонок.

А вот недавнее:

— (ноет) Мама-медведица! давай будим мухами…

Еще он был «червячонок», а я была «мама-червячи́на».

А как-то приходит домой и говорит:

— Мама!.. — (тут трагический обрыв интонационный; таким образом меня к чему-то готовят) — Мама. Я устал быть звеем *(зверем)*.

— Устал?..

— Да. И в сказке быть тоже устал.

— В сказке.

— Я хочу быть пъосто Федя. А ты — пъосто мама.

* * *

В саду научился плеваться. Нравится это ему — безумно.

Сказала, что мне не нравится — очень.

Он теперь пытается плевание творчески обыграть и обосновать.

Бегает по квартире, пыхтит, крутит головой — и плюется.

— Ты что делаешь?

— Ни плюю! ни плюю! я поливайная машина!

В другой раз:

— Давай игъять в Моего додыя *(Мойдодыра)*.

— Давай.

— Ты будиш майчик-гъязнуля, а я буду Мой додый с къяном. Подходи ко ко мне мыть ючки. Вот так. Давай их сюда.

Протягиваю руки ковшиком под «кран», Мойдодыр плюется и упреждающе вопит:

— Я къян! я мою!

А еще он сочиняет сказки. Есть прекрасные — про крокодила, у которого болело лицо и про глаза, которые поссорились и разбежались. Ну а шедевр шедевров — такой:

— Жил-был Федя. Он плевался.

Все! (Плевание — прилагается. В качестве иллюстрации, видимо.)

Идем по улице, он демонстрирует свои умения:

— Смотъи, как я умею ходить по бойтику! — идет по бортику.

— Смотьи, я умею ходить на цыпочках! — идет. — И на пятках.

— И ищё я майшиавать умею! — марширует.

Говорю — молодец, умница.

— А знаишь, что я ищё умею? — косит хитрым глазом.

Я, восхищенная и потерявшая бдительность, ведусь:

— Что?

— Плеваться!!! — плюется.

* * *

Не спит, а уже почти одиннадцать. Сидит в кровати, рассказывает сказки про себя:

— Я гъюстный колобок. Пъишла лиса и сделала меня гъюстным колобком.

* * *

— Мама, игъяим в каету! *(карету)* Ты будишь лошадка, а я — (забыл слово, вспоминает) — навозник!!!

4 года

Играет в пластмассовых солдатиков. К ним прилагается пушка и лошади, две штуки: «лошадь чейногъивая» и «лошадь белогъивая».

— Мама! Понюхай, чем пахнет лошадь чейногъивая. Нет, ты наклонись. Понюхай. Чем?

— Чем-чем… навозом?

— Нет! Чем?

— Лошадью?

— Нееет. Ну? лошадь чейногъивая чем пахнет?

— Чем?

— Гъивом!!!

* * *

Играл с игрушечными животными разными. Бык, например, есть и корова. А вымя коровье шкет называет так: «выминия». И вот играет он, играет, и на каждом шагу — «выминия», «выминия». На очередную выминию мабушка, не отрываясь от книги, лирично:

— Что вымини тебе моем…

* * *

Игры пошли совсем уж сворачивающие мозг.

— Фонтан! Скажи — что, Феденька?

— Что, Феденька?

— Фонтан, ты по мне соскучился? говои — да, Феденька.

И дальше я была фонтаном, но который где-то там, не здесь.

Во время игры все под контролем, помнит все детали, все обстоятельства, даже самые непонятные (мне). Больше я не удивляюсь, что он считает только до пяти и не знает букв — голова его забита совершенно другим.

* * *

Собрались пойти на Никитинские встречи. Федор уже месяца два настраивался увидеть «чилавека, какой поет п'о все козлята любят петь». И вдруг узнали, что ближайшую встречу будет вести Иващенко. Говорю шкету — Федь, а если будет не Никитин, а другой человек, Иващенко, ты не очень расстроишься?

— А он будет петь п'о все козлята любят петь?

— Не знаю. Он, наверное, будет петь про Глафиру.

— А п'о ежика езиновова в шляпи малиновой?

— Не знаю.

Но пошли.

После концерта несколько дней разыгрывал диалоги между Никитиным и Иващенко. Обычно сценарий был таков: Никитин звонит Иващенко, говорит, что заболел и просит провести концерт. Иващенко отвечает — да, конечно! А Никитин ему говорит:

— Только ты пой п'о все козлята любят петь. А беежкаиков *(«Бережкариков»)* не пой. П'о козлят веселее.

Ну, тут Иващенко, конечно, начинает спорить, и в большинстве случаев Никитин обзывает Иващенко «злым чилавеком». На этом разговор заканчивается.

* * *

Прибежал:

— Мама! Мама пингвиница! У нас одился *(родился)* сыночек пингвин! Паздаовайся с ним. На, возьми его. Сп'оси, как его зовут. Он скажет, што его зовут Пашка.

Через секунду:

— Смотъи! Ищё одился один! — (обращаясь к новорожденному) — Какой ты маладец, што одился!

* * *

По дороге из сада:

— Мама-медведица! знаишь — есть такие летучие медведи. Живут на небе и едят летучий мёд — (вздыхая) — А я ни умею летать. К'ыльев нету. Я обычный медвежонок.

* * *

Наизусть рассказывал «Кошкин дом» в лицах. Зрелище было бесподобное. Когда по сюжету пожарники-бобры тушили пожар, на голове у Ф был его универсальный полицейский шлем, в руках деревянный молоток и шланг от пылесоса, он сидел на шведской стенке под потолком, стучал по турнику и комментировал: «вот и окна ясписныи загорелись… а теперь ставенки езныи все сгорели уже!»

А потом слез со стенки и стал несчастной кошкой-погорелицей.

3 года

Когда ребенок весь день играет в Щелкунчика или Дровосека — это хорошо. Примерно понятно, что и как.

А вот когда он играет в синюю краску — гораздо сложнее.

* * *

Говорит мне — спокойно, устало, как о деле давно решенном:

— Мам. Ты знаись… я лягуська.

— Лягушка? И… и что?

— Ничего. Лягуська.

— И что теперь?

— Ква.

4 года

ТС научила шкета играть в крестики-нолики. Научила — громко сказано: он теперь умеет рисовать крестики и нолики, не выходя за пределы клеточек. «Играл» со мной. Играл ноликами (они легче получаются). Нарисовал два подряд. Я ему говорю — ты, жулик! Он пришел в неописуемый восторг, хохотал, даже свалился с табуретки. На следующее утро будит меня: «Мама, стаём-стаём, аткъиваим глазки, идем игъять, я буду жулик!!!»

7 лет

В который раз (в который раз безуспешно) пытаемся с ним сыграть в подкидного дурака. Провал случается уже на стадии запоминания карточных мастей.

— Козыри — эти… как их… ну, эти. А. Ромби!

10 лет

После отита сидел дома, маялся и придумал играть с мабушкой в якобы-покер картами от Халли Галли (такая детская настольная игра, на картах — фрукты в разных количествах).

Я тоже после болезни, вышла к ним, пошатываясь, гляжу — сидят за столом: у Ф в глазах блеск картежника, бабушка сдвинула очки на кончик носа и с недоумением глядит на свои карты.

Ф хлестко кидает карту с четырьмя сливами:

— Каре! что вы на это скажете?

Мама беспомощно пожимает плечами и шепчет мне одними губами:

— Это что вообще? откуда он это взял? как играть?

Я, подумав, артикулирую в ответ:

— Это пурга. Чем увереннее гонишь — тем лучше.

Мама, поколебавшись, аккуратно кладет на стол карту с пятью бананами:

— А вот.

Ф в азарте бросает свои карты, хватает себя за волосы и вопит:

— О боги! флеш рояль!!! я погиб!

Мама в панике глядит на меня, я отползаю.

Вечером сквозь температуру слышу очень уверенный и быстрый диалог:

— А я вас лимонами!

— Ха! у меня два банана! они бьют вообще все!

— Кроме одной клубники!

— О боги! я погиб!

3 года

Нужен ему, конечно, старший и снисходительный друг.

На даче живет Федина ровесница и подруга Валя. С ней шкет прохладен, зато горячо любит ее старшего брата Тиму, которому 10 лет. Тима очень большой молодец — играет со шкетом (а игры-то все зверские — догонять, щипаться, толкаться) и не обижается, когда шкет в азарте его больно пихает или царапает.

Федор говорит о Тиме с упоением. Вот как-то перед сном:

— Тима мне нъявится. Он со мной бъизгается *(брызгается — на речке),* щекотается… Я будю с ним дъюжиться! Буду игъюшками делиться всякими… — и, успешно выговорившись, преодолев частокол «тся» и «ться», заснул с улыбкой восторга на лице.

4 года

В песочнице «варил суп» — отобрал у какой-то девочки игрушечную кастрюльку, ложки, тарелочки. Вопил, когда ему мешали. Когда наконец вся песочница перепугалась, построилась и начала его слушаться, шкет стал внимательным, говорливым и заботливым. «Не тъогай кастъюлю, она горячая, вот дай ючку *(ручку)* сюда, потъогай, видись, какая горячая, видись? Надо меня слуситься, а то попадесь бойницу, будут тибя лечить. Нет, этот суп есе не готов, есе не пожаился. Ой, ты тукнулся? *(стукнулся)* Пъестите, позалися *(пожалуйста)*». Иногда, захлопотавшись, он даже называл ошеломленных сопесочников «Ваше веичество» (привет Щелкунчику).

Все песочные мамы хохотали, не забывая на всякий случай зорко следить — вдруг шкет взбрыкнет.

Едва увела его оттуда. Уходя, он делал благословляющий жест рукой и говорил: «Ваите супчик! Ваите все супчик!..»

3 года

На улице. Прижимает палец к губам:

— Тиши! тиши… — (шепотом) — ты знаишь ли это деево? — (показывает на тополь).

— Ну… нет. А почему шепотом?
— Тиши… Это глиловое дерево.
— Лиловое?
— Нет!
— Гнилое?
— Нет! Глиловое. Гли-ло-во-е! — (подумав) — Деево-глён.
— Клен? Кленовое дерево?
— Да. Глиловое. Оно сичас спит, а потом на нем выястет слива.

* * *

— Я пост'оил двоец! *(дворец)* Идем!
— Сейчас… минуточку.
— Ну идем!
— Сейчас, Федь…
— Ну идем уже! А то ваота *(ворота)* закъоются.
— Ворота во дворец?
— Нет, ваота в мою иг'у.

Голова сламалась, или жизнь в ГБОУ

3 года

Проходили медкомиссию для детского сада.

Логопед показал шкету три картинки: курица, свинья и коза. И еще три: яйцо, желуди и капуста. Разберись, мол, кому что.

Шкет, не раздумывая:

— Куичка вазьмёть иичко, и из него выдет маенький такой цыпленик.

— Правильно, Федя! А капусту кому дадим? Вот коза очень любит есть капусту.

— Нет, капутю вазьмёть бабуська, она будить суп ваить, суп такой, бойщ называица.

— Ай, молодец. А желуди кому дадим? кто у нас остался?

— Седя! *(Федя)*

(Забирает картинку, сует за пояс штанов и отбегает на безопасное расстояние.)

* * *

Забирала шкета из сада и увидела у него три хороших, с кровью, царапины на правой щеке. А на левой щеке — прекрасные отпечатки зубов.

Воспитательница «Инна Виткоёвна» не в курсе, что произошло — она сменила предыдущую «Аликсану Никалавну» во время тихого часа, и сменила в спешке.

И вот я одеваю Федора, а ИВ сидит с нами рядом, и мы вдвоем пытаемся выяснить, что произошло:

ИВ: Федя, что случилось? Подрался, что ли?

Ф: Я сичас иду домой, а у нас дома такие чисы, чисы, они бьют как куянты!

ИВ: Часы — хорошо. Но что у тебя с щекой?

Ф: С ком?

Я: С чем. Щеки у тебя вон какие, гляди.

Ф: Пайду умоюсь.

Уходит. Возвращается.

Ф: Умыйся и вытийся палатенцем.

ИВ: Молодец! Так что, подрался, что ли?

Ф: Я сломай твойлейбус у Гоши.

ИВ: С Гошей подрались?

Ф: Нет, не подъялись.

ИВ: А укусил тебя кто? сам себя, что ли?

Ф (смеется): Сам! А сьто?

Я: Федь, ну нам интересно.

Ф: Сам! Я тукнулся о деево. Адном щеком о дуб, а дъюгом о беёзу.

5 лет

Объявили внеочередное собрание в саду. Шла с опаской. Все может быть: возможно, Ф отказывается танцевать в паре («я в этом саду даже ноги не подниму!») или неправильно рисует орнаменты в тетрадке Петерсон — «бордёрчики», как он их называет. Но поводом для собрания был инструктаж — как вести себя при пожаре. А потом с нами говорила садовский психолог Тамара Васильевна. Замечательная. Все про всех детей знает, помнит, всегда оптимистично настроена — и при этом мыслит абсолютно трезво.

И вот она обращается к родительской аудитории с вопросом:

— Вот скажите честно — когда мы больше всего любим своих детей?

Молчание.

— Ну же, ну, когда?

— Всегда! всегда! — раздаются одиночные бодрые выкрики.

ТВ покачивает головой, обводит аудиторию испытующим взглядом. Ждет.

— Когда спят… — почти шепотом говорит кто-то.

ТВ, радостно, подняв указательный палец:

— Именно! Когда они спят!

Трезво мыслит, да.

6 лет

Воспитательница мне и говорит:

— Напоминаю, что завтра утренник, нужна парадная форма — шорты черные, футболка белая, носки белые.

Я киваю. Ф, от своего шкафчика:

— И трусы — белые.

Воспитательница, немного замешкавшись:

— Федь, да трусы-то могут быть любые.

Ф, строго:

— Нет. Праздник. Трусы — белые.

* * *

Расспрашиваю Ф про одногруппников.

— А вот Катя — мне она очень нравится! Такое лицо веселое.

— Лицо-то у нее веселое… а вот характер совсем не веселый.

— А у Лины какое лицо? и характер?

— Характер хороший… а лицо — удивительное.

— Удивительное?

— Будто она все время удивляется. Быстрое такое лицо. Если узнает плохое — грустное будет лицо, если хорошее — то счастливое. Вот сегодня у Лины было очень счастливое лицо. Очень.

— Узнала хорошее?

— Да. Самое лучшее! Что на полдник будут рыбные палочки.

3 года

— Федь, а у тебя в садике есть друзья?

— Есь! Канешна есь!

— А как их зовут?

— Дети.

4 года

У шкета есть электронная азбука — подарила бабушка Таня, не оставляющая попыток пробудить во внуке интерес к буквам и подготовить к школе.

Азбука — плакат из плотной ламинированной бумаги с динамиком. Включаешь — радостный голос говорит: «Привет!» И три режима работы: алфавит — нажимаешь на букву, голос ее называет; игра — голос просит найти ту или иную картинку (при каждой букве есть картинка); экзамен — голос просит нажать на нужную букву. Шкет, естественно, предпочитает второй режим, игру.

Радостный голос говорит ему: «Попробуй найти бабочку!» — шкет нажимает на бабочку. «Мо-ло-дец! А теперь найди ножницы!» — нашел. «Мо-ло-дец! А сможешь ли ты найти экскаватор?»

И отчетливость слов, интонаций, и чрезмерная радость похвалы — все наводит меня на мысль, что голос считает себя самым умным, а играющего — идиотом. Шкет тоже это почувствовал, и когда голос в очередной раз произнес: «А попробуй найти ёлку!» — шкет с тихим бешенством (и интонационно очень «в рифму») сказал: «А веси *(если)* я попвобую тебя, мальчик, стукнуть по носу?»

* * *

Читает все же понемногу. Торопится, по слогам ему неинтересно, старается охватывать глазами все слово и узнавать его. От этого бывают конфузы. Написала ему: «Федя красивый». Видит, что окончание «ый», видит букву С, вопит: «Федя лысый!»

Вместо «Кутузов» прочитал «унитаз».

5 лет

Ф поправляется после гриппа. Охрип, осип. Я говорю — ты просто двоечник, хулиган и второгодник Олейников Пашка.

— Кто такой Пашка?

Да был у нас в классе. Второгодник Олейников Пашка. Таким же голосом разговаривал. На истории спал.

— На какой истории?

Урок такой. Про царей рассказывали, про войны. А учительница у нас была — Башмакова. Мам, как звали-то ее?

Мабушка:

— Нина Чья-то там. Чья — не помню.

Да, Нина. Башмакова. Вот идет урок. Башмакова ходит по классу, про царей рассказывает, а Пашка спит. Башмакова берет учебник, ходит и рассказывает…

(Ф: «Про царей?» — про царей.)

А Пашка спит. Башмакова подходит к своему столу… а у нее стол большой был и почему-то — странно, да? — железом листовым обитый. Подходит к столу, рассказывает (про царей. Пашка спит) и вдруг книжкой по столу — ХРЯСЬ!!!! С размаху! ХРЯСЬ!!! ХРЯСЬ!!! Мы все как подпрыгнем! как за сердца схватимся!

Ф, восторженно:

— А Пашка?

— А Пашка — спит!

А Ф хохочет. А скоро в школу.

6 лет

Ходили с Ф в школу, беседовали с завучем. Завучу хотелось посмотреть, что он за фрукт и с чем его едят. Все прошло так: Ф прилично сел на краешке стула, сжал руки и говорил «мнэ» в значении «да» и «мны» в значении «нет».

И мне сказали обратить внимание на…

Не на шипящие звуки, которых я боялась.

Не на правильное положение ручки в руке.

Не на, в конце концов, умение раскрашивать, не выходя за контур.

А на — трам-пам-пам!

РАЗВИТИЕ РЕЧИ РЕБЕНКА!!!

Пересказ, умение обобщать и т. п.

Так фрукт зажал главное свое умение.

7 лет

Первое родительское собрание.

Ф не с кем оставить, взяла с собой. Он довольно спокойно сидел, рисовал, еще записывал что-то печатными буквами в блокнотик. После собрания показал:

«ПОНИДЕЛЬНИК. 6 СЕНЕТИБРЯ.

СЕВОДНЯ В ШКОЛЕ БЫЛО РОДИТЕЛЕСТКОЕ СОБРАНИЕ. НАНЁМ БЫЛО ТАК СКУЧНО. У МИНЯ ГОЛОВА СЛАМАЛАСЬ.»

* * *

В школе концерт к 8 марта. Класс Ф вышел, спел песенку. Но не ушли, стоят.

Вышел на сцену мальчик из третьего класса. А в школе преподают не то художественное чтение, не то актерское мастерство. Словом, все хорошо стихи читают. И мальчик так в зал — громко — с выражением — кинул:

— Не обижайте матерей!!

Аудитория, состоявшая преимущественно из матерей, испугалась и притихла.

А потом мальчик прочитал стихотворение про то, что обижать матерей — последнее дело. Что вот вы уходите, а они стоят у ворот (в старомодном ветхом шушуне, надо полагать). Так вы хоть письма им пишите, что ли! Ну, и еще про ласковые руки и добрые глаза.

Вижу, что Ф стоит и нервно шеей дергает. Ну, думаю, сейчас уйдет, чтоб не зарыдать. Но выразительный мальчик на этом закончил, и первый класс снова запел.

* * *

Будни первоклассников.

— Генерал Аркадий свергнут! Генерал Голиков отнял у него на прогулке грабли!

— У Светы сегодня горе такое! Зуб выпал, а она его потеряла!

— Я в школе за обедом понял: хуже всего чихать, когда во рту гречневая каша. С котлетой лучше.

* * *

Каждый подход к домашним заданиям — чистый амаркорд. Итальянское кино. Брак по-итальянски и развод по-итальянски.

Вот один только эпизод.

Действие разворачивается после того, как я сломала простой карандаш (в руках, в руках), а Ф порыдал по этому поводу («Мама, ты какая-то рысь!»).

Я:

— Надоело! Делай все сам! Я к твоим тетрадкам и не подойду больше!

Ф, с безумной силою:

— Нет! Не буду сам! Нет! Почему я?! — (неожиданно спокойно) — Почему я? Раз ты все знаешь лучше всех — делай ты!

Я, с театральным «ха! ха!»:

— Ну уж нет, дружочек. Я свое все сделала! И — между прочим — у меня серебряная медаль за школу.

Ф (после секундной паузы):

— У тебя доказательств нет.

— Как это нет? Медаль в коробочке лежит! Показать?

Это неожиданно действует. Ворча под нос, доделывает примеры.

Я, подобрев:

— Вот видишь! Можешь. Можешь. Мне же не оценки твои нужны. Они мне вообще не важны. Мне важно, чтобы ты делал все так, как ты можешь — а ты же можешь!

Ф, скорбно:

— Если оценки тебе не важны, что ж ты сама для себя их так добивалась?

* * *

В дополнительной книжке по английскому чтению все рассказики — про мальчика по имени Федя и его семью. Ф в досаде бросает книжку на пол:

— Дурацкая книжка! все про меня да все про меня!

* * *

Приходит с французского, на ухо мне, быстрым шепотом:

— ЖёмапельФедяЖабитМоску!

Потом еще:

— А тебя по-французски зовут Аннет! А знаешь, как по-французски зовут Колю?

— Как?

— Не Коля.

— А как?

— Не Коля!

— Я понимаю, что не Коля, а как?!
— Не-ко-ля!!!

* * *

— Сейчас я тебе спою песню «Сюр лё пон д'Авиньон». Сэ шансон популе. Понимаешь? Популе. Русская народная песня.

* * *

Опять поругались за домашним заданием, потом помирились, все сделали. Я вздыхаю:
— Нет, Федор, так жить, как мы с тобою живем, невозможно.
— Невозможно, нельзя, — кивает головою.
— Что ж нам делать-то?
Моментально, в нужной тональности:
— Расстаться?..

* * *

Пришел из школы. Сидит на стуле, не переодевшись, качает ногой. Я говорю:
— Федь, переодень штаны, пожалуйста.
Скривившись:
— Не хочу. Можно, я займусь чем-нибудь другим?

* * *

Наконец каникулы. Свекровь перед отъездом на дачу планирует: «Каждый день, Федя, мы с тобою будем читать — сам читать будешь! — будем писать, чистописание…» «И таблицу умножения еще!» — поддакивает АС. «Главное — читать!» — воинственно настаивает свекровь. Я молчу, энтузиазм не гашу.

Хотя что ж — Ф читает. Вот гуляли с ним по дачным переулкам, так он читал объявление на столбе: «Предлагаю услуги помощника по хозяйству». Вместо «трудолюбивый» прочитал «грудолюбивый». Что тоже может быть правдой.

8 лет

Задали написать отзыв на какую-нибудь из книг, прочитанных этим летом.

Ф выбрал финна Тимо Парвела, про Эллу в первом и втором классах.

Обсуждаем план отзыва, пытаюсь так повернуть беседу, чтобы

он сам сформулировал хоть что-нибудь, что можно будет написать.

Ну, говорю, вот почему тебе герои нравятся?

Не задумываясь:

— Они смешные и не очень-то умные!

Мда, говорю. А как ты думаешь — у них можно чему-то научиться?

(Я зануда и дубовый пень от педагогики)

— Нет! я же тебе говорю — они не очень-то умные. — (подумав) — Наверное, у них в классе были еще другие люди кроме Эллы, Пата, Сампы, Тукки и Ханны. Но они, наверное, были гораздо умнее. И гораздо несмешнее.

Чуть позже:

— Еще я напишу: я очень надеюсь, что будет книга про Эллу в третьем классе. А потом в четвертом. И пятом. И шестом. А потом даже — про Эллу в университете!

А мне ой как нужна книга про Эллу — мать второклассника. Ой как нужна! и чтоб там все были смешные и не очень-то умные.

* * *

Еще летом захотел быть пекарем с собственной пекарней. С поразительным упорством чурается всякой интеллектуальной деятельности.

Разговаривали про экзамены, рассказала ему про ЕГЭ. Уточняет:

— А какая на этом ЕГЭ самая большая оценка?

— Сто баллов.

— Ну, хорошо… а вот если я сдам на пять — это как?..

* * *

Утром, надевая ботинки:

— За что мне такая злая судьба — ходить в школу?..

* * *

Классика жанра: часов около 10 вечера обнаружилось, что завтра последний день для сдачи новогодней поделки на школьный конкурс «Вместе с мамой, вместе с папой!»

Участие в конкурсе — необязательное. Но Соня принесла поделку, Варя принесла, Тимур принес, Артем… да что там — генерал Аркадий принес!

Наскоро придумали концепцию изделия, обсудили план

работ, подобрали расходные материалы (хорошо, у нас дома завалы всякой ерунды, и в числе прочего деревянные заготовки для елочных игрушек). На этих этапах Ф принимал активнейшее участие.

А дальше я разрисовывала деревянные домик, елку и ангела, а Ф пыхтел в районе моего правого локтя и приговаривал: «Так-так, мама. Так-так. Осторожно. Осторожно! не вылезай за контур изделия».

Предложила назвать конкурс по-другому. Например — «Папа у Васи силен в математике».

* * *

Я неважнецкий педагог, поэтому решающим аргументом в наших с Ф спорах по поводу его учебы всегда является моя реплика: «А вот я окончила свою школу с серебряной медалью!» Мол, по этой причине я знаю, что говорю.

Надо сказать, аргумент убеждал, реплика действовала, Ф сдавался.

Вот, например, очередной вечер. Ф кричит: «Ты неправильно все говоришь! Эти задачи так не решаются!» Я кричу: «Да и пожалуйста! делай как хочешь! я умываю руки!» Он кричит: «Нет! Не буду! Но почему ты думаешь, что ты знаешь, как правильно?!» И тут я ему — хоп! — про медаль.

Потом все как-то притихли, и Ф сгруппировался и окопался.

Мабушка сказала, что однажды, по дороге из школы, в беседе было упомянуто мое имя, и Ф с саркастической интонацией сказал: «Эта медалистка».

Через несколько дней он пришел ко мне в комнату и, не глядя на меня, выбивая пальцами дробь по столу, поинтересовался, где его «медаль за первый класс» (давали им такие, сувенирные, на ленточке).

Еще через пару дней я медаль нашла и вернула владельцу.

Уроки он к тому времени давно уже делал с мабушкой, и дома была тишь да гладь.

А тут мабушка пошла в театр. И мы с Ф остались одни и сели за уроки.

Доставай, говорю, свою математику.

А он — сейчас, сейчас, подожди минуточку. Вскочил из-за стола, куда-то сбегал, потом вернулся — ровной поступью. Основательно уселся и с кротким видом начал выводить «какое-то там октября, домашняя работа».

На шее у него, разумеется, висела та самая медаль.

И выражение лица, и осанка, и то, как он держал ручку — все

говорило: «А мы тоже не лыком шиты. У нас тоже кой-какие награды имеются».

* * *

— Федь, ну ты же умный человек?
— Да. Я умноват.

* * *

На уроке со странным названием «технология» они делали открытки. Голубые с цветочком розовым. А внутри им сказали написать вольное поздравление к какому захочешь празднику.

(перепечатываю дословно)

«700 лет назад я зделал эту открытку для вас. Помните меня. Ваш Федя».

И что-то типа портрета в рамочке.

Безмятежно поясняет:

— Я подумал — когда через семьсот лет потомки найдут эту открытку, у них будет праздник.

* * *

В школе было торжество, посвященное 70-летию битвы под Москвой. Класс Ф пел песню про героев-панфиловцев:

Шумела в поле злая осень,
На землю падала листва,
Их было только двадцать восемь,
А за спиной была Москва.

и т. п.

(Опустим, пожалуй, все, что можно сказать о достоинствах данного поэтического текста и о достоверности его исторической основы.)

А все мальчишки в классе Ф любят «Звездные войны».

И вот они поют теперь так.

Тёма начал:

Их было ровно тыща восемь,
А за спиной был Корусант.

А Ф подхватил:

«Мы защитим страну, родные!» —
Сказал всем клонам Оби-Ван.

* * *

На очередном родительском собрании рассказывали про электронный журнал, дали логин и пароль. Сижу и играюсь в этот журнал. Захожу и выхожу. Захожу и выхожу. Как будто от того, что я зайду в двадцать пятый раз, у Ф исчезнет пара по русскому.

* * *

— Мам! а знаешь, как мы называем физкультуру — кратко?
— Думаю, физра.
Потрясенно:
— Откуда ты это знаешь?..

* * *

Ф в школе раздали листочки, на них диктантики небольшие, для закрепления разных правил.

На одном листочке — сплошь заглавные буквы в именах-фамилиях-кличках, а также «ча-ща», «чу-щу», «жи-ши». В диктантиках фигурируют животные (корова Зорька, кошка Мурка и т.п.; выделяется на этом фоне пес Аргон) и дети с несуществующими в природе фамилиями. Ну, может, и существующими, но все равно нелепыми.

Катя Чащанина одна чего стоит.

Света Шижина.

Но мой любимец — Эдик! Эдик Щущурин.

Бежит, значит, пес Аргон, бежит на поле к корове Зорьке (зачем?). А за ним спешит Эдик Щущурин. Это цитата: «За ним спешит Эдик Щущурин».

Я начала Ф диктовать — и не могу, смеюсь. Беру себя в руки, но дело доходит до Эдика Щущурина — и я опять.

Потом Ф вдруг и говорит:

— Эдик — это как какой-то ученый.

— При чем тут ученый? Имя и имя. Эдуард это.

— Нет, как ученый. Физик, например. Химик. Эдик.

И долго ржали, представляя себе какой-нибудь научный институт: «Здесь у нас лаборатория эдиков. Эдики-практики. А в том крыле — эдики-теоретики».

А Ф теперь подкарауливает меня за углами, выходит

с закрытыми глазами и вытянутыми руками — как привидение — и тянет потусторонним голосом: «За ним спешит Эдик Щущурин!.. За ним спешит Эдик Щущурин!..»

* * *

На ИЗО они рисовали на тему «Характер человека в рисунке. Мужской образ», а потом то же самое, но образ женский.

В первый раз Ф нарисовал Пушкина, «а за ним фон — парк, немного осенний такой», а на этой неделе — Екатерину Великую. Тут уж фон разнообразный: «Санкт-Петербург и гвардейцы, которые переворотные, потом ванна…» «Ванна?!» «Или баня, не помню, потом все китайское…» «Китайское?!» «Деревня китайская, мостик… Царское Село, мама, не помнишь, что ли?! И еще карета, в ней Петр Первый едет на свидание к Екатерине».

Ага, говорю. С напудренною косой. В который раз объясняю: жена Петра Первого — Екатерина Первая. Муж Екатерины Второй — Петр Третий. Они в разное время жили, они не встречались вообще!

«Мама, все, хватит! я мечтаю!!»

Потом спрашиваю: а Татьяне Владимировне-то (которая ИЗО преподает) — ей твои рисунки понравились?

Беспечно:

— Не знаю. Не думаю. Главное — мне-то нравится.

* * *

Делает домашнее задание по русскому. Сначала диктант, потом нужно найти в тексте и подчеркнуть главные члены предложения. Фраза — что-то вроде: «Вася идет и поет».

Ф подчеркивает и бормочет:

— Два сказуемых! в одном предложении! здесь подлежащее — прямо как король с двумя женами.

* * *

Русский балансирует между тройкой и четверкой. А не надо писать «Маленькие утято». И еще «он робка сказал». Не говоря уж о таких персонажах, как «бездомныи», «злыи», «сильныи». Еще — «Крокодил Гено».

* * *

На восьмимартовском концерте поставили петь частушки

на пару с Петей. Я говорю: Петя? это маленького роста такой, со звонким голосом? Ф, подумав, неуверенно: кажется, да… Потом оживляется:

— Я сейчас объясню тебе! Петя — это с таким лицом, располагающим к усам.

9 лет

Звонит днем из школы:

— Серьезный вопрос. А в какой куртке я сегодня в школу пришел?..

* * *

— Скажи, у детей есть права?

— Есть, конечно.

— А почему в школе их постоянно нарушают?

Настораживаюсь:

— Как, какие нарушают?

— Например, право на бег.

* * *

На предмете со странным названием «окружающий мир», в просторечье «окружайка», Ф терроризирует соучеников и учителя. В конце урока всегда отводится пять минут на чей-нибудь рассказ о чем угодно. Ф три урока подряд говорит о монархических династиях. Намерен рассказать о Бурбонах и показать картинку с отрубленной головой Людовика Шестнадцатого. Предвкушает успех.

* * *

А в электронном журнале впервые появилось домашнее задание по физкультуре: «Выучить повороты направо и налево! Запомнить как выполняется команда КРУГОМ! (Через левое плечо поворот на 180 градусов)».

* * *

— Мам, давай поиграем в морской бой!

— Какой морской бой, уже одиннадцатый час, спать иди.

— Нет! ни за что! морской бой!

— Никакого боя.

— Бой!

— Я же сказала — я играть не буду.

— А я буду! и весь шоколад съем! и школу брошу!

* * *

Проснулись поздно, надо скорее-скорее собираться, а Ф сидит, медитирует над носком. Я забегаю к нему в комнату: Федор, да сколько можно говорить, опаздываем, давай шустрее, ты чего…

Он поднимает на меня глаза свои мутные и медленно произносит:

— Мама. Слишком много звуков.

Еще через десять минут: Федор, мы уже должны были выйти, а ты все сидишь, а ты еще не завтракал, да что ж такое.

Он, просунув голову в ворот свитера, все так же медленно:

— Я не знаю, что сказать на это. Но мне кажется, что ты меня поторапливаешь.

* * *

Выговариваю ему по поводу потерянных тетрадок, он сидит на кровати, покорно внимает и что-то бормочет. Прислушиваюсь — нет, не бормочет, поет:

Ох, уродился я на свет
Неухоженный.
Ох, с малолетства счастья нет —
Не положено.

10 лет

Задали сочинение написать. На тему «О чем говорят листья». Ф к нужному дню не написал, получил пару. Я говорю — ну что, молчат листья? Он, с лицом хитрым и лирическим:

— Почему? Говорят. О грустном говорят. Завянем, упадем, умрем. И все умрут. И кто двойку получил, и кто пятерку получил, и кто это сочинение читает.

* * *

Назначили родительское собрание. Как водится, на 17.00. Я привычно возмущаюсь, потому что это вечное «умри, работающая мать», а Ф говорит наставительно:

— Обязательно надо прийти. Обязательно. Так сказали. А если не можешь — надо сделать отпрос лично у завуча.

«Сделать отпрос» у завуча! за что боролись, спрашивается? когда уже свобода нас встретит радостно у входа?

* * *

Утро.

Истошный вопль: «Мама, мама!»

Выскакиваю из ванной, полный рот зубной пасты.

Ф сидит на кровати, держит в руках брюки и смотрит перед собой остановившимся взглядом.

— Что случилось?

Шевелит губами, что-то беззвучно проговаривает.

— Федор, что случилось???

— А! — выныривает. — Да. У меня был очень важный вопрос, но я начал думать про другое и забыл его. Сейчас вспомню.

Стою, жду, глотаю зубную пасту.

Взгляд его опять стекленеет.

— Федор!!!

— А? А! Сейчас-сейчас, мама. Сейчас-сейчас. Очень важный вопрос.

Судя по нахмуренному лбу — действительно очень важный. Глубоко забытый.

Внезапно просветлев и тут же снова озаботившись:

— А, вспомнил! Мама! а я не опоздаю в школу? у меня еще есть время?..

* * *

Ф молодец, всегда знает, что у него пропало. Вчера вечером обнаружилось, что нет дневника, сегодня утром — что исчез весь комплект учебников и прочих рабочих тетрадей по русскому языку (4 шт.), а уже в школе, за три минуты до звонка — что и сменка растаяла, сгинула, изошла росой (как Ф сам сказал — «сменка на обе ноги»).

* * *

Очередное буднее утро началось с очередного стона Ф:

— Мама! у меня галстук сломался!

Потом говорю ему тоном рекомендательным, исключительно рекомендательным: «Хорошо бы причесаться перед выходом в школу».

Он, утомленно и укоризненно:

— Мама. Что я тебе — девочка на побегушках?

* * *

Не сразу разобрался с задачами — уж не знаю, как они называются: где целое известно, а все части неизвестны. Я стала для тренировки придумывать ему такие задачи на понятном материале.

Все футболисты клуба «Реал», говорю, заработали за год…

Перебивает:

— Мама, ты и цифры такой не знаешь, сколько они все заработали. Не надо всех.

Ладно, говорю. Криштиану Роналду и Хаби Алонсо заработали за год на двоих… эммм… сто тысяч евро.

Хохочет:

— Мама! Сто тысяч?! ты смеешься, что ли?! ты знаешь вообще, сколько они зарабатывают?..

Ну ладно, ладно, говорю, пусть будет миллион. И Хаби Алонсо заработал на сто девяносто тысяч больше…

Уже не хохот, уже вопль:

— Эээ! ну любишь ты Хаби Алонсо, ну ладно, но врать зачем??

Потом еще была задача про драку болельщиков ЦСКА и Спартака — в Склиф поступило столько-то, болельщиков ЦСКА поступило в три раза меньше (довольно гудит: «Даааа, наши победили»). И так далее.

* * *

Делает задание по предмету весьма странному — основам светской этики.

Прибегает:

— Мама, у нашей семьи есть традиции?

Я говорю — конечно, есть, и дед их главный носитель.

Ф, деловито:

— Давай-ка быстро сообразим, какие ценности лежат в основе этих традиций.

* * *

Собирая портфель, устроил бесчинство с раскидыванием вещей. Кричал: «Кто мог подумать, что в десять лет жизнь требует столько нервов?!»

* * *

Говорю Ф, что мне на собрании очень понравилась преподавательница английского во второй группе (класс разделен на две группы).

Ф:

— Что, больше, чем наша?

— Нет, просто по сравнению с Лидией Арнольдовной, которая в той группе в прошлом году была.

— Ааа… — (задумчиво) — дааа… мы в прошлом году обсуждали, что страшнее — смерть с косой или Лидия Арнольдовна. Решили — Лидия Арнольдовна.

* * *

Полезно бывает застрять в лифте (утром по дороге в школу стояли полчаса). Пообщались, задачки порешали на время-скорость. Школу обсудили. Я спрашиваю — первый урок у тебя какой? Русский. Жаль, говорю, нет бы хрень какая, вроде светской этики.

Ф, очень заинтересованно:

— А что еще хрень — по-твоему?

— Технология хрень.

— А ИКТ?

— Тоже скорее хрень.

— А ИЗО?

— При хорошем преподавателе — нет. У вас хороший.

Молчит, обдумывает, потом — тоном крайне живым и любознательным:

— А что такого в светской этике, что ты считаешь ее хренью?..

* * *

Надевает школьную форму, застегивает рубашку. Надо сказать, в девяти случаях из десяти он делает это криво, путая петли. Я уж перестала указывать, просто подхожу и молча перезастегиваю. Вот и сегодня. А он стоит и бурчит:

— Не понимаю. Совершенно не понимаю — как вы, женщины, это делаете. Какой у вас прием для этих пуговиц. И почему мне его никто не говорит.

* * *

На ИЗО рисовали на заданную тему; тема была — хамелеон.

Ф нарисовал картину «Хамелеон на Монмартре».

Хамелеон на переднем плане, Сакре-Кер — чуть позади.

* * *

Отказывается понимать, что такое х. Икс. Ревет и говорит: откуда берется икс? в задаче ведь — про бананы!!! («Я же не отдам Некту яблоко, хоть он дерись! — У вас нет никаких способностей к математике!»)

* * *

Идем из школы. Ф, размахивая руками:

— Сегодня такой случай на физкультуре произошел! Невероятный! Исключительный случай! Мы на улице были. Стоим там такие — и тут муравей ползет…

Затихает. Я, зная его манеру останавливаться на ходу и начинать думать о другом, осторожно спрашиваю:

— И?..

— Что и?

— Дальше что?

— Ничего. Муравей ползет. Все. Такой случай.

* * *

Из школьной тетради по музыке, тема урока — Шопен: «Музыкальные символы Польши — мазурка, болонез».

* * *

Ф, травмированный поступлением (поступает в среднюю школу), придумывает теперь без остановки всякие странные экзаменационные задания и тесты по всему, что только можно представить. Была задача про даму бубен, которая покупала мяса на бульон по 300 рублей за кг. Был вопрос «Какие произведения Пушкина ты знаешь, назови хотя бы одно». Сейчас вот нашла бумажку с записью:

«Как называется, когда в банке берут деньги?

а) бронхит

б) помнит

в) кредит».

Или вот вопросец из теста «по телесным наукам»:

«Где начинается проектирование ребенка? После соединения кого?»

Как автор проекта — рыдаю.

…и нашла в какой-то из его исторических тетрадочек:
«Леонардо да Винчи. Моно-лиза».

11 лет

Накануне своего пятого 1 сентября Ф спал плохо, полночи бродил по квартире. В семь утра обнаружила его на кухне, он пил чай, грыз сухарик и вместо доброго утра сказал: «Чуется мне, я вступаю во времена беспощадной школы».

В прошлом году он тихо пел: «Где же ты теперь, воля вольная».

* * *

Ф про своего школьного историка:

— Он человек гениальный! Правда, иногда использует неприличные слова!

(Ни тени осуждения в голосе, только восхищение.)

Я интересуюсь, какие же.

— Ну, например, он рассказывал про жизнь первобытных племен и сказал: жратвы хватало на всех!!!

* * *

Два с половиной часа провела на очередном родительском собрании, тосковала, рвалась на волю. С Ф все в порядке — кроме одного: на психологических тренингах, которые призваны сплотить класс, он тоже тоскует и рвется на волю. И на последнем тренинге, когда под конец каждый должен был встать и сказать, какой помощи ждет от коллектива и чего желает коллективу же, Ф поднялся и сообщил, что он ничего не желает и не ждет, потому что он — внимание! — со всем справится сам.

Теперь хожу и говорю ему с интонацией Швондера: «Вы анархист-индивидуалист?»

Что до Ф, то он объяснялся в своем стиле: «Эти дурацкие тренинги! Мама! Если бы Гай Юлий Цезарь ходил на них, он умер бы от тоски еще до того, как его убили!»

* * *

Бойкотирует походы с классом по музеям, по поводу чего его классная руководительница искренне переживает. Ф же высказывается следующим образом:

— Опять экскурсия? Опять? Фигу. Не пойду. Что я им, председатель зрелищной комиссии?

* * *

Утром. Ф, сердито:

— Мама! дай же мне сто рублей на поездку с классом в пожарную часть наконец!!!

Я говорю — да пожалуйста, но вообще-то я в первый раз от тебя про эту поездку слышу.

— Я знаю! Я себе кричу! Я устал уже про это забывать!

* * *

Приходящий психолог в школе говорил им сегодня про сложности общения подростков со взрослыми. Ф услышал и интерпретировал все так, что взрослые — это упрямые, консервативные и ограниченные люди. Изложил это мне. Я вспыхнула немедленно: «Что такое — взрослые вообще?! Есть взрослый — алкоголик, есть взрослый — академик!» Ф кричал: «Вот! вот! психолог была прав! ты — Капулетти, я — Монтекки!» В конце концов вместо аргументов я стала показывать ему язык.

12 лет

Первосентябрьское.

Утром Ф подходит, помахивая руками в незастегнутых длинных рукавах:

— Мам, помоги мне с этими лангетами.

— С чем??

— С лангетами… А! с манжетами.

* * *

Получил пятерку по обществознанию за опус на тему «Кого я считаю сильной личностью». Я спрашиваю — что написал-то?

— Нууу… того, кто имеет цели, стремится их достичь, умеет четко принимать решения в самых сложных ситуациях…

Я, кисло:

— Ясненько… ну а примеры-то надо было привести?

— А как же.

— И кого ты выбрал?

— Остапа Бендера.

* * *

— На русском языке было задание — придумать и записать предложение со словом «рожь». И я написал!

— Что?

Со значением:

— Сложная пунктуация! — (откашлявшись) — На тихом поле неподалеку от станицы колосилась рожь, и трудно было представить, что скоро это поле станет местом братоубийства: приближались красные…

(Для полноты картины — реакция бабушки: «Это все прекрасно, Федя, но чисто географически — неверно: если станица, то неподалеку растет, скорее всего, пшеница».)

* * *

Ф, увидев, что я делаю домашнее задание по португальскому:

— Мама — мой соу́частник! Участь у нас одна!

13 лет

7 класс, физика, а также алгебра и геометрия — то, чего так долго ждал наш дед-технарь.

Ф привез показать ему новые учебники. Тот, впав в эйфорию, вывалил на Ф бездну всяческой информации. Бездну! Ф внимал, кивал и соглашался. Я не вмешивалась, хотя знала, чем дело кончится.

На следующий день АС решил проверить, что и как было усвоено, и спросил, предвкушая педагогический триумф:

— Феденька! Так чем же определяется положение тела в пространстве?

Ф, оторвавшись от «Белой гвардии» и добросовестно поразмыслив, осторожно предположил:

— …транспортиром?..

* * *

Гоша:

— Я сейчас полюбил читать Конституцию.

Ф:

— Конституцию??

— Да. Особенно хороша статья о праве на защиту чести и достоинства. Я читаю ее по утрам перед школой.

* * *

Ф рассказывает про один из своих исторических кружков:

— Все там хорошо, одно плохо — мужчин только двое, я и препод.

Я, не подумав:

— Что плохого? Целый цветник!

Ф смотрит на меня сурово и страдальчески, такая смесь из «лучше молчи», «женщина, мне стыдно за тебя» и «все-таки это моя мать»:

— Маааама…

Потом, чуть убавив суровости:

— Каждый ребенок, наверное, хоть раз в жизни говорит вот так — «маааама»…

И снова прибавив суровости, с подозрением:

— Или не раз.

* * *

Вечно эта безголовая юность думает, что изобрела велосипед именно она.

Утром раз, два, пять, семь сказала — пора выходить в школу. Ф недовольно собирается и вещает:

— Вот откуда у вас взрослых это? что приходить надо заранее? вы отстали от жизни! У нас совершенно нормально войти в школу за пять минут до начала уроков! За три! У нас вообще весь класс повально опаздывает! Поймите, у нас все по-другому, другой мир.

Э, говорю, мил друг, всегда опаздывали, во все времена, и когда я ходила в школу, и когда бабушка ходила, и когда дед («…и при Александре Втором «Освободителе»…»)…

Ф, воинственно:

— Но мы достигли в этом небывалых высот!

* * *

Ф, оторвавшись от ноутбука, строго:

— Во вторник в школе родительский день. Если есть вопросы к учителям — можно подойти, задать. Пообщаться. Узнать что-то про меня. С 17 до 19 часов.

Представив это все, падаю на диван со стоном:

— Опять… можно я не пойду туда?..

Ф, снова углубляясь в ноутбук, себе под нос:

— Да не ходи, мне-то что, тебя будто заставляют, можно подумать…

* * *

Рассказывает про одну свою учительницу, негодуя —

не нравится все.

Пытаюсь утихомирить:

— Смотри на это так — она по-своему пытается пробудить в вас чувство прекрасного.

— Мама!! Она пытается из нас его выдоить!!

* * *

В программе по литературе — Чехов, рассказы.

Ф:

— У меня есть предложение довольно смелое.

— Ну?

— Чехова мне — не читать.

— Почему вдруг?

— Такое ощущение, что сейчас это не мое дело — читать Чехова. Вот когда мне будет лет как тебе, я с удовольствием его прочитаю. А сейчас мое дело — читать Толкина.

* * *

Сочинил для одноклассников что-то вроде литературной викторины.

«Если задумали сделать синтаксический разбор предложения из произведения этого автора, знайте — это надолго».

«Если ребенок прочитал эту книгу, он точно захочет стать как один из четверых».

«Труднейшая жизнь этого поэта была настолько трудна, что она повесилась».

И таких 25 вопросов.

Интересно, на сколько ответят. И не поколотят ли.

Гляжу на будущность

3 года

Он уже хотел быть дворником, альпинистом, доктором, акробатом, клоуном.

Сегодня с утра опять начал определяться с выбором профессии. Мы собирались на развивающие занятия, я — как всегда — ничего не успевала, а шкет сидел и лениво позволял себя одевать. И рассуждал:

— Когда я подъясту, я будю лётик, лётик. Я будю летать на самоёти, будю сидеть в кабини, у меня будить юль (руль), ичаг (рычаг) и язныи пипочки (кнопочки). Будю упъявлять. А ты будись сидеть в кьесли и кусить, и пить сок.

— Хорошо, — говорю я.

Потом я металась в поисках его ботинка, наступила на паровозик и упала. Это дало новое направление мыслям шкета:

— Неть! когда я подъясту, я будю масинись (машинист), дядя масинись. Будю поезд водить. И у меня будить юль, ичаг и язныи пипочки, я на них будю назимать.

— Ты повторяешься, — говорю я. — Но выбор хороший.

Вышли из дома. Я горько размышляла о том, что у моей редакторской работы нет никакой привлекательной атрибутики и вряд ли она сможет заинтересовать шкета. Не то, что летчик и машинист.

Тут шкет увидел метлу — дворник оставил ее около крыльца.

— О! метля!

— Да, это, наверное, дворника метла.

— Неть! Это не двойника! Это бабы Яги! — и с просветленным, радостным взглядом, он окончательно решил:

— Когдя я подъясту, я будю Баба Яга! Будю летать на метле и на ступи, у меня там будить юль, ичаг и язныи пипочки…

4 года

(сопровождается характерной жестикуляцией, не передать)

— Папа у меня хирульг. И я, когда вырасту, буду хирульгом. Детей буду лечить, руки, ноги, голову им лечить, резать и сверлить. Буду с папой работать. Он мне поможет, если у меня не получится разрезать ногу или просверлить. Подойдет и поможет.

5 лет

Ф написал стихотворение. Называется «Насекомые»:

БАБОЧКА ПОРХАЕТ.
СТРЕКОЗА ЛИТИТ.
МУРАВИЙ БИГУТ.
БОГОМОЛ СТРЕКОЧТ.
ЖУК РОГАЧ БЕЖИТ.

Стихотворению «Насекомые» предшествовало стихотворение «Июль»:

ПТИЦЫ ВСЕ ПОЮТ.
ЯГОДЫ РАСТУТ.
ЦВИТЫ ЦВИТУТ.
СОНЦЭ БЛИСТИТ.

Еще есть стихотворение «Апрель».

Потом рыдал:

— Я, наверное, не смогу быть врачом! это трудно! меня уволят!

Уговариваю, увещеваю, потом сдаюсь — да, это действительно очень трудно; не чувствуешь в себе сил — не иди.

Следующий приступ рыданий:

— Хочу профессию, для которой не нужно учиться в институте! Есть такие?

Есть, отчего нет. Перечисляю.

Рыдания утихают, но не вполне:

— А дома? дома можно работать? не ходить на работу каждый день? Кем можно дома работать?

«А пожалуйста!» — выдаю список.

На пунктах «писатель, поэт» Ф меня перебивает. С тревогой и обещанием новых слез уточняет:

— Но если я решу быть писателем или поэтом — мне ведь не обязательно становиться известным? можно ведь быть неизвестным?

Можно, говорю, Федь. Можно — и даже легко.

Успокаивается.

Итак, «Апрель»:

СОЛНЫШКО БЛЕСТИТ.
РАДУГА СЕЯЙТ.
ЛАСТАЧКА ПАЁТ.
РУЧЕЙ ТЕЧОТ.
ПАТСНЕЖНИК ЦВТЁТ.
ВЕСНА ВЕСНА.

Можно с уверенностью сказать, что карьера неизвестного поэта у нас практически в кармане.

7 лет

Снова озаботился выбором профессии, причем такой, какой не нужно учиться в институте.

— Мама! кем можно работать без института?

Да кем угодно, говорю. Дворником. Грузчиком. Контролером у эскалатора. Продавцом билетов в метро.

Ф, подумав:

— Можно продавцом картошки на рынке. Но там надо с людьми говорить! сколько, к примеру, стоит? — сорок. Мне надо такое, чтобы с людьми не говорить.

* * *

— Мы сегодня в школе рисовали на тему. Надо было нарисовать, кем я буду.

— И что ты нарисовал?

— Ничего. Пустой лист. Я же еще не знаю, кем я буду.

Тут самое трудное — промолчать и покивать. А не сказать: ну что, трудно тебе, что ли, было нарисовать космонавта? или бульдозериста?

Я очень люблю фильм Фрэза «Вам и не снилось». И чем старше становишься — тем сильнее сжимается сердце от линий взрослых героев. Там много страшной правды. Помните, героиня Елены Соловей, учительница, кричит своей энергичной маме: «Мама, пойми, нельзя рассчитывать на то, что твой единственный ребенок будет удачным, нельзя!»

11 лет

Только что Ф описал свое будущее:

— Я буду простой учитель истории в школе. С маленькой зарплатой. Возможно, в конверте.

Все они видят, все они слышат. И самое большое заблуждение — думать, что они будут такими, какими хотелось бы нам.

* * *

Засыпая, спросил меня, какой факультет в университете занимается изучением понятия «однако».

6 лет

— Когда я вырасту, у меня будет много-много детей. И знаешь, что я с ними буду делать?

— Что?

— Я им буду вот так говорить, — (набирает воздуху в грудь и рявкает) — Дети! А ну-ка, марш в детскую!

Кажется, это что-то из Мэри Поппинс.

А следующее точно оттуда. Мистер Бэнкс садится на стул и говорит: «Ну все. У меня стресс». Ф повторяет-изображает:

— Ну все. У меня стреск.

11 лет

Наш любимый Крит.

Ф возлюбила Мануэла, двухлетняя дочка одного из хозяев таверны, где мы обедаем. Не отходила от нашего стола, разлила уксус, разбросала салфетки, на все мои увещевания заливисто смеялась и кричала: «Охи! Охи!» Когда ее — с трудом — увела мама, Ф задумчиво сказал:

— Надо запомнить. С детьми — трудно.

8 лет

Выбрались к друзьям — моей крестнице Дуне, ее родителям и старшему брату.

Ф, узнав, что идем в гости, сказал:

— В гости? К Дуне? Хорошо. Она мне нравится. — (и тоном великодушного предложения) — Когда ты умрешь, я могу стать ее крестным.

По дороге радостно приговаривает:

— Идем к Дуне! к нашей крестнице!

Я говорю — к моей.

Он:

— И к моей тоже!

Я говорю — нет, у нее уже есть крестный, Дмитрий Эммануилович, а крестный может быть только один.

Ф, обиженно:

— А я? Нехорошо поступаете. Делиться надо!

* * *

Масленица. Блины и гости. Все с детьми, дети младше Ф. Он ими руководил — и как!

Подходит ко мне, шепотом спрашивает:

— А Нюша уже знакома с Тимофеем?

— Кажется, нет.

— А кто из них старше?

— Нюша.

— А на сколько?

— На полгода.

— А если девушка старше юноши на полгода — это ничего? они же когда-нибудь потом могут пожениться?

— …эээ… ну да…

— Я пойду их познакомлю! — (удаляясь) — Нюша! пойдем, я познакомлю тебя с Тимофеем.

Нюше два года, Тимофею, соответственно, полтора.

Потом он вкручивал всем, что необходимо создавать семью, дабы «продолжить свой род». «Потому что если ты не женишься — твой род прервется!» Продолжатели родов, в возрасте от полутора до шести лет, обалдело слушали.

«…подождут. Не спеши…»

13 лет

Ф рассказывал про школьный этап олимпиады по обществознанию, который писали накануне.

Является ли материнский капитал одним из способов решения демографических проблем? — примерно такой вопрос был в заданиях.

Почему-то Ф эта тема — не вопрос, а тема в целом — возмутила страшно: что деньги, почти кричал, разве можно с денег начинать решать — быть ребенку или нет? Я вяло отбивалась от этого подросткового максимализма и прекраснодушия.

А он говорит: нет, ну я с тобой согласен — материальное важно, но дети-то — не про все посчитать и решить, дети — это, понимаешь, это… и ищет слово.

Я подсказываю легкомысленно:

— Ага, просто чудо и радость.

Сурово смотрит на меня, осуждая мои смешки, даже намеки на них:

— Именно. Именно чудо. И радость.

8 лет

С Федором отношения следующие. Совершенно банальная вещь — вроде каши по утрам — вызывает примерно такую реакцию: «Эта женщина, она сломала мне жизнь». «Эта женщина» — разумеется, я.

Потом он, конечно, извиняется многократно.

Еще с ним случаются приступы сыновней любви. Любовь он выражает словами.

— Мама! — говорит он мне в очередном таком приступе. — А все-таки я ужасно рад, что я — твой сын.

Несколько уязвленная этим «все-таки», реагирую вяло:

— Можно подумать, у тебя был выбор.

— Что?

— Ну ты же меня не выбирал. У кого родился — у того родился.

Помолчав:

— Но все-таки я очень рад.

Смягчаюсь:

— Я тоже. Тоже очень рада, что ты — мой сын.

Косит глазом, ухмыляется:

— А у тебя был выбор?

— Если подумать — то нет.
— Ну и вот.
— Но радости-то это не отменяет. Не отменяет?
— Все, мама, хватит об этом!

10 лет

Идем с речки. Дорожка в одном месте крутая, осыпается. Протягиваю ему руку — цепляется, подтягивается, выкарабкивается и при этом что-то бормочет недовольно себе под нос.

— Что? я не слышу.
— Люблю, говорю. Люблю тебя всем сердцем, мама.

(Тон — продавщица старой закалки: «Триста рублей, женщина! лучше слушать надо!»)

3 года

Раскидывает по кухне вилки и ложки:
— Мамачка! Я тибе мамагаю! Я твой маенький мамощник!..

* * *

Третий день подряд играем в неразумную маму и умного Федю. Например, он меня умывал и рассказывал, как это важно — умываться. По утрам и вечерам. Я подыгрывала.

— А тепей зубки почисим!
— Не хочу. Не буду.
— Будись.
— Не буду. У меня и щетки нет.
— Сичас пъинесу.
Уходит.
Возвращается с лопатой в руках.
— Аткъёй ётик!

* * *

— Мама, подём на кухню.
Идем.
— Сядь на стуйчик, воть сюда.
Сажусь.
Подходит ближе, кладет руки мне на колени, заглядывает в глаза и — проникновенно:
— Мама. Покойми меня шокоядом.

* * *

Болеет — обычная простуда. Озлоблен приемом лекарств, оскорблен запретом на шумные игры. То и дело чем-то мне угрожает: «Всё, всех обидю и буду кусать!» Или: «Всё, возьму юкзак и уеду к бабуське». Или: «Вот всё, уйду и буду жить один! (подумав) с тобой».

Через пару дней чувствует себя гораздо лучше, а посему поводов для поругаться гораздо больше.

Вот два раза повздорили. Помирились. Первый раз ненадолго, а потом он расчувствовался:

— Пьёсти меня, даягая мая. Я тебя любу, любу — *(ищет слово)* — очень хаяшо.

* * *

Перед сном (шепотом):

— Ты сьто хочищ, сьтобы я тебе купий? Замок и дъякона хочищ?

— Наверное, хочу.

— (успокоительно) Ну, тогда я тебе купъю.

— А на что же ты купишь?

— Ну у меня зе есь мой каселёк.

Кошелек у него. Пять рублей, два каштана.

* * *

Упрям, как осел.

Никакого доверия к родительскому слову и опыту! Первая реакция — отрицание.

Вот самолете (впервые летим!), через 20 минут полета:

— Подём!

— Куда?

— На уицу!

— Мы в самолете, отсюда нельзя выйти на улицу.

— Нет, мозя!

Или лезет на шведскую стенку с книжкой в руках.

— Федя, нельзя залезать, когда руки заняты!

— Мозя! (кричит уже сверху) Заезю под самий куполь и буду титать!

Снимаю. Отворачиваюсь на секунду, он снова залезает, снова с книжкой в руках. Почти из-под «самого купола» падает. Хорошо, мат внизу лежит. Но пугается, плачет.

— Я же тебе говорила…

— Неть! Не говоила!

Когда приехали к мабушке-баме, шкет вцепился в меня

и заявил:

— Это моя дочь!

Но не тут-то было.

— Нет, дружочек, это моя дочь, — включилась в игру мама.

Минут пятнадцать они спорили. Я не выдержала:

— Федя, какой же ты упертый!

— Неть! Не упёйтий!

* * *

«Я жадный, жадный, жаденький какой-то очень, не буду с тобой деиться!!!» — вот такие слова я слышу чаще всего. По любому поводу. Своей якобы жадностью объясняет и оправдывает все. Он не будет спать, потому что жадный. Не пойдет гулять, потому что жадный. Не хочет супа, потому что жадный. Да, и еще «никогда!» «Не пойду в туает ни-каг-да!!! не надену носьки ни-каг-да!!!»

«Не убею игъюськи ни-каг-да!!! Потнуся я жадный, пьёсто жадный очень!»

И чуть что — ложится на пол с бормотанием: «Воть лягу и буду так лежать…», «Уйду и ни с кем не буду делиться…»

На днях, чтоб не сорваться, ушла от него в другую комнату, закрылась. Шкет бился и рыдал под дверью. А у него что-то с носом, вялотекущий насморк, сосуды слабые… И вот он рыдает, кричит «Пьёсти меня!», я бегу обратно, обнимаю его, сидим, рыдаем и сморкаемся. Тут у него, видимо, лопается сосуд в носу, кровища — а мы этого не видим, слезы застилают глаза. Он вдохновенно всхлипывает мне в щеку, потом видит кровь и вопит: «Ой!! Кьёвь! Мамачка моя даягая, у тибя кьёвь! Не бойся, ничего тьяшного, мы тибя выечим!» И вот оба мы в крови, я отмываю лицо ему, он — мне, и еще утешает при этом: «Не бойся, ничего тьяшного!» Катарсис.

Через двадцать минут он снова вопит про «я жадный» и про «ни-каг-да!»

* * *

Я на кухне, он в комнате. Вдруг кричит: «Мама! беги! лови меня!»

Прибегаю, он болтается на самой верхней перекладине спортивного комплекса (что строго запрещено делать без страховки). Успеваю, ловлю. Начинаю ругать:

— А что было бы, если бы я не успела прибежать? ты подумал?

— Што… Упал бы и разбился. И надо было бы тебе родить нового Федю. Ты бы по ут'ам его в сад водила, он бы тебе номеа домов называл…

(Брови трагически приподняты — сюжет готов.)

4 года

Перед уходом в сад. Слоняется по квартире, ноет:

— Мама! я буду очень по тебе скучать.

— Я тоже буду очень по тебе скучать.

— (угрожающе) Я буду скучать и плакать!

— А давай не будем плакать?

— (совсем агрессивно) Нет, давай будем!

Расстались, договорившись скучать и плакать.

* * *

Убери, говорю, игрушки, пожалуйста. «Мама, кагда я думаю на эту тему, мне становится печально».

* * *

После какой-то книжки обдумывает тему семьи: жена, муж, дети и проч.

Вчера, выходя из садика, решительно:

— Мама, я все-таки хочу, штоб ты была моей женой.

Я говорю — договаривайся с папой.

Ф, успокоительно:

— Договоюсь, договоюсь.

* * *

Помогаю ему собирать мозаику, Ф ходит вокруг, что-то поправляет, подкладывает, при этом все время бормочет под нос: «Синенькую сюда, вот так, теперь надо делать так, правильно…» Потом вдруг выхватываю из этого бормотания:

— Т'удись, мамочка моя дорогая, вот так, старайся, т'удись…

Все таким же благостным, деловитым тоном.

* * *

Думает о смерти. Что именно — не знаю, но спрашивает разное часто.

Вот пару дней назад, в припадке жалости к себе (был отруган за дело):

— А веси *(это «если» — сохранилось с давних младенческих пор)* я ум'у и погибну?

Я говорю, что это будет огромное горе для меня.

У него глаза на мокром месте, но он продолжает:

— А веси я пойду, упаду в колодец и там погибну?

Я отвечаю примерно то же самое, с отступлением в сторону темы безопасности на улицах.

— А веси меня схватит д'акон, сожжет огнём, и я погибну?

Я опять про горе и про то, что порву дракона на куски.

Шкет почти рыдает, но останавливаться не собирается:

— А веси я… а веси я… стъельну из пушки и попаду в себя и погибну?

Пытаюсь успокоить его.

Он умеренно плачет, глядит в пространство, во взгляде упоение собственной горькой судьбой («вот я умру, а они тогда все поймут, какой я был хороший») Вдруг взгляд фокусируется на большом настенном календаре. И — голосом абсолютно трезвым и спокойным:

— А адиничка и нолик — это десять.

5 лет

Завтракает и все меня о чем-то спрашивает, а мне не до ответов, собираюсь.

Он, обиженно:

— Ты, мама, не… недостойная!

— Какая?!

— Недостойная.

Приехали, думаю. Но по привычке интересуюсь:

— Это где ты такое слово узнал?

— Бабушка Надя сказала.

— Да?

— Сказала — это находится в недостойном месте.

— Недоступном!

— А, да. Ты недоступная, мама.

* * *

В саду сказали — придумать рассказ о своей маме. Придумать, продиктовать, а мама запишет. Странно, конечно — что там можно искренне придумать, если мама записывает.

Мы тянули до последнего. Но настал последний вечер, я села за компьютер, Ф лег на диван, стал болтать ногами и противно тянуть:

— Ну, пиши, пиши… моя мама — она такая… моя мама

золотая…

Нет, говорю, друг мой, нет сил моих слушать эти гнусные песни. Человеческих слов хочу.

Он немедленно завопил: не знаю, не знаю, никаких слов не знаю, придумай сама, что хочешь, и пиши.

Ладно, говорю. Вот, пишу: моя мама маленькая и толстенькая как хоббит, ходит босиком.

Он в хохот, потом в крик, потом наконец стал сам сочинять. Примерно так:

— Мы с мамой как-то летали на Родос. Там столица тоже Родос. И мы ходили в замок Великого магистра. А в нем на полу — мозаика. Из кусочков таких картинка. Медуза Горгона — это женщина с волосами-змеями…

(Я печатаю и думаю — и к чему он клонит? женщина с волосами-змеями в рассказе про меня?)

— …ее победил Персей, но это было непросто. Нельзя было смотреть на Медузу! иначе превратишься в камень!

Я, осторожненько: Федь, и давай напишем вот что — это я узнал из греческих мифов, которые мы читали вместе с мамой.

Он, выныривая из мифа, небрежно: а, ну да, можно, ну давай.

Потом он рассказал, как мы ездили на Куликово поле, про Дмитрия Донского, Мамая, про Сергия Радонежского, заодно про Лавру, еще про Англию рассказал, про Леголенд, Тауэрский мост и Гринвич, про Суздаль — тут я еще могла как-то присоседиться. Но потом он начал говорить про скелет и большие берцовые кости.

Федь, говорю, давай лучше напишем, что мы еще с тобою читаем, что смотрим, что нам нравится.

Воодушевленно:

— Да! Можно! Пиши! Мы с мамой много смотрим мультиков и фильмов. Хороших. К примеру, нам очень понравился фильм про то, как Александр Невский топил ливонцев!

* * *

Пишет всякие слова и фразы, непременно пропуская в них букву Ы. Он ее знает, может написать, но в словах пропускает. И вот встаю утром, выхожу в большую комнату, а там на его мольберте крупно написано:

«С новм годом, мама! Улбайся!»

А через день поругались. И он в запальчивости кричит:

— Все, мама! Все! я больше не восхищаюсь тобой!

* * *

Приходит из сада в дурном настроении. Раздеваясь, нервно говорит:

— Я тебя п'ошу, не об'ащай на меня внимания.

Хорошо, говорю. Через десять минут он на кухне рассыпает сахар. Я дергаюсь, но, памятуя просьбу, внимания не обращаю, а только многозначительно вздыхаю, кошу глазом и развожу руками.

Ф, еще более нервно:

— Я же п'осил — не об'ащать внимания!

— А я и не обращаю!

— Ты сердито! А надо не об'ащать внимания — с доб'ым лицом!

В целом — формула хороших отношений.

* * *

Будучи больным, лежа в кровати, сказал:

— Мама, надо навести в доме порядок.

Хорошо, говорю, но только когда один человек все время наводит порядок — толку мало. Ты будешь следить за порядком?

— Буду следить.

— И как?

— Буду лежать на диване — и следить.

* * *

Вечером: спокойной-ночи-малыши, творог, умыться, пижаму, сказку. После этого я ухожу, Ф остается один, листает книжку недолго, потом засыпает. Так обычно.

А сегодня он ворочался, раз позвал («у меня царапина на ноге»), два позвал («где моя карта Бородино?»). Затих.

Вдруг топает. Пришел зареванный — плакал там в кровати, тихонечко. Со мной заплакал громко: «Там тишина! я скучаю в тишине! я по вам скучаю в тишине!»

Отвела его, рядом села. Лежит, всхлипывает. Такие слезы: если в одиночку — хуже нет, а если рядом кто, и жалеет — останавливаться не хочется.

Я вдруг вспомнила, как в детстве летом жила у бабушки с дедушкой, а мама оставалась работать. Я тогда скучала по маме очень. Днем-то еще ничего было, а вечерами накатывало. И Федьке рассказываю: как вечером ложилась в кресло свое раскладное и не могла заснуть. А дом прямо у леса стоял, сосны

высокие, ветер их качает, и слышно, как они скрипят. А все спят, спят. А я лежу и боюсь — непонятно чего, словами не сказать. Одиночества, расставания, чего-то еще. Плачу тихонько.

Ф меня слушает, глаза красные, голос срывается:

— А потом? потом же ты домой приехала? к бабушке Наде?

Я говорю — приехала, конечно. Чтоб успокоить, добавляю (его всегда детали с жизнью примиряют): а мама — бабушка Надя — к моему приезду какао сварила и пирожков напекла.

Но все равно мы поплакали еще немножко, несмотря на пирожки. Потом Ф уснул. А я вспомнила, чего еще боялась тогда — ветер сильный, вдруг из-за него сосны упадут прямо на наш дом.

6 лет

Вечером пора в туалет-умываться-спать, а Ф такой томный, расслабленный.

— Нет, мама, без тебя я не пойду. Иди со мной.

— Куда я, интересно, должна с тобой идти? В туалет? зубы чистить?

— Мама! Иди со мной — на всё!

* * *

Ф писал мне письма (сложил из бумаги что-то вроде конверта, написал на нем «Федя» и нарисовал сердечко).

Первое письмо было такое:

ДАРАГАЯ МАМА Я ОЧНЬ ТИБЯ ЛЮБЛЮ

Я ему ответила, что тоже его люблю.

Тогда он написал:

Я ОЧНЬ РАТ

Что нисколько не помешало нам поссориться всего-то через двадцать минут.

* * *

Ездили по всяким делам. Я за рулем, Ф со своего заднего сиденья рассказывает бесконечную сагу про войну «драконовых» и «львовых». Это два войска. «Драконовы» — плохие, потому что «нарушили рыцарский закон». Я внешне вся внимание, киваю, автоматически что-то уточняю, но ничего толком не слышу. Как вдруг — это еле уловимо, каждый раз боюсь пропустить — меняются тон, ритм и даже стиль рассказа.

— …И на двадцать четвертый день — это очень была долгая война — мать короля заболела. От того, что сын не рядом.

А на пятьдесят четвертый день она начала умирать. И тогда король назначил другого предводителя, а сам сел рядом с матерью. И смотрел на нее. А через два года она умерла. Ее увезли далеко-далеко, положили в такой большой деревянный гроб, закрыли крепкой крышкой, повесили его на цепях… А рядом поставили большой крест, а на него положили веер. Ее веер. Любимый. Она любила им махать вот так, когда король приезжал. И король после этого решил быть один навсегда, он воевал, и у него уже были не только усы, а еще борода. А потом он сел на трон, и приехал к нему один мудрец и помощник и сказал — твоя жизнь скончается. Королю стало грустно в его сердце, но он правда уже ничего не мог. И тоже умер. После него остались другие короли и рыцари.

7 лет

Собирали подаренный Ф на Новый Год замок Лего-Хогвартс и обсуждали историю Гарри Поттера.

Ф, глубокомысленно:

— Смотри, родители Гарри погибли? значит, их не слишком-то любили их родители?

— Почему?

— Ну, Гарри ведь спасла любовь его родителей? А почему их ничего не спасло?

Понимаешь, говорю. Родители все свои силы, все-все, что у них было, отдали для спасения сына. Себе ничего не оставили.

Дрожащим голосом:

— А ты бы? ты бы тоже?

И я бы тоже, говорю.

Близко к слезам:

— Нет, мама, ты никогда не…

И сам себя обрывает с «ты никогда не умрешь».

— …тебя никогда никто не убьет. Ты сама умрешь. Потом когда-нибудь.

Вырос.

* * *

Ф как-то с утра говорил, что он будет «соглашательный ребенок»:

— Ты вот любое мне предложи, что хочешь — я соглашусь! Вот какао! вчера я бы сказал — бее, фуу, гадость, не буду, чаю хочу. А сейчас соглашусь: спасибо, хорошо, какао. Я соглашательный.

Хватило соглашательного ровно на завтрак и на одевание.

* * *

На даче готовится к празднованию 9 мая. Ходит, бормочет:

— Так. Сначала я проеду на велосипеде с флагом. Потом мы все положим тут цветы — в память, понимаешь? Вот тут положим. А потом я зажгу звезду на яблоне. А потом я скажу речь с балкона. Вы — стоите здесь…

«Я подожгу овин!» Очень, очень часто он напоминает мне Леоновского Короля из «Обыкновенного чуда». А я — что-то среднее между первым министром и женой волшебника. Чуть что — моя голова летит с плеч в первую очередь, но я также кормлю его супом и говорю: «Ваше величество, как можно!..»

* * *

Ф, ущемленный мною в каких-то своих правах, ругается сегодня:

— Я тебе будто не ребенок, я тебе поросенок! меня тебе, наверное, подкинули! так разговаривать со своим сыном! ты мама будто и не мама! а Гитлер!

Я зверею, потому что с Гитлером он палку перегнул.

Он моментально понимает, пугается, подходит извиняться:

— Ну, мама… Ну, нет… Ты Сталин, мама, ты Сталин…

8 лет

Недоволен чем-то:

— У меня стресс.

— Чем тебе помочь?

— Я сейчас сам себе помогу.

Вдруг громко орет, вот так: «АААААААААА!!!!» Как резко начал — так же резко прекращает:

— Все, помог. Когда стресс — надо орать.

Через полчаса, по-прежнему чем-то обиженный:

— А вот сейчас я как наору на тебя, и весь стресс перейдет к тебе.

* * *

Спит на балконе, хотя ночи уже прохладные. Он ложится, я сижу в кресле рядом, смотрим на звезды. Терапевтически вспоминаем, за что можно сказать «спасибо» прошедшему дню.

(Недавно я неожиданно приехала на дачу посреди недели, и вечером Ф лирически подводил итоги: «Я бы сказал спасибо

за вкусные булочки с корицей, которые привезла мама…» — и спохватившись — «И, конечно, за то, что она приехала!»)

Лежит, рассуждает о том, что чем больше всматриваешься — тем больше звезд, что Земля маленькая и каждый человек на ней маленький.

Я подхватываю:

— А ведь каждый человек живет свою уникальную жизнь. Такой маленький — а ни на кого не похожий, единственный. Да? И получается, что снаружи космос и внутри космос.

— Как это?

Я излагаю общие соображения про внутренний мир человека. Ф слушает серьезно.

— Понимаешь, да?

Он, медленно, задумчиво:

— Понимаю. Вот, например, кишечник. Целая вселенная! И лейкоциты нас населяют…

* * *

День святого Валентина, у Ф в школе почта, все пишут валентинки.

За завтраком (все самые интересные разговоры — за завтраком, потому что мы оба не выспались и не обдумываем то, что говорим) спрашивает:

— Мама, а тебе в школе тоже дарили валентинки?

Ну, говорю, тогда это не называлось валентинками. Записки писали, да.

— А кто?

— Разные мальчики.

Суровый взгляд поверх чашки:

— Разные? но потом-то — остался один?

— Нет, ты не понял: в разное время — разные мальчики.

Потрясенно:

— Мама! как так?!.

За кадром — песня «Лебединая верность», а также шум и грохот: это обрушивается моя репутация.

9 лет

Наводила порядок в комнате Ф, которая хоть и его личная территория, но источник заразы для всей квартиры.

Все рассортировала. Коробка с деревянным. Коробка с военным. Три пребольших коробки лего. Еще коробка с разобранным скелетом.

Спасибо очередным выборам где-то куда-то, порядок можно

было навести относительно спокойно. Потому что Ф следил за ходом, прибегал от телевизора, приносил последние известия: явка тридцать процентов, явка пятьдесят, мама, а что это ты выкидываешь?! это нельзя! — и хватается за какую-то пластмассовую зеленую палку, обломанную с обоих концов.

Я говорю — это же ерунда! хлам! не пойми что!

Он:

— Нет, это пойми что! этим прекрасно еще можно играть.

— Как?! как этим можно играть?!

— А вот так! — и подкидывает эту палку.

Она задевает лампу и падает. Мы оба следим за ее коротким полетом и падением.

Я говорю:

— Ну вот видишь!

— Вижу. Прекрасно можно ее запускать.

Уходит, потом возвращается с танком. Танк без гусениц и башни. Сует его мне под нос.

— Видишь, мама? видишь? ты это, конечно, хочешь выкинуть! сказать — Федя, это хлам, это дурацкая вещь, это мусор! да? хочешь?

Я молчу и стою спокойно, как скала.

— А этот танк, между прочим, мама, очень мне нужный! Он в бою изображает подбитый танк.

Я говорю — ну тогда и клади его в военную коробку.

Ф моментально теряет интерес к очень нужному подбитому танку, кидает его на ближайшую поверхность, хватает из скелетной коробки череп и убегает пугать бабушку. Потом возвращается:

— Мама, у него нескольких зубов не хватает! если зубы найдешь — положи их в зубной ящик. Как нет? Вот давай здесь, в комоде, сделаем зубной ящик.

* * *

Говорю им с бабушкой: я иду в свою комнату. Закроюсь. Может, буду работать. Может, спать. Словом, отрешусь от всего мирского.

Ф отчаянно, со слезою кричит:

— Мама! как, как ты можешь?

Что такое, что я могу, с чего паника?

— Как ты можешь нас с бабушкой так называть?! мы не мерзкие!

* * *

Отдыхаю. Стучится Ф, получает разрешение войти, заходит, плотно прикрывает за собой дверь, садится на стул напротив моей кровати и совершенно серьезно говорит:

— Мама. Сначала я трусил. Но потом подумал, что я же мужчина. И решил сказать тебе…

Я не пугаюсь, но заинтригована весьма.

— …и решил сказать тебе: я еще в воскресенье на даче загнал занозу в пятку. Болит, надо вытаскивать.

А удалять занозы он боится очень-очень.

На этом сдержанная часть вечера закончилась. Дальше были его взбрыки и крики («Но последний! последний раз! дай мне крикнуть последний раз!..»), вытирание слез только что снятыми с ног носками, мои уговоры, воззвания и гневные вопли («Собирайся, едем в больницу, пусть тебя в гнойной хирургии уговаривают!..»), потом десятиминутный успокаивающий массаж и десятиминутное же удаление занозы — и впрямь далеко загнал.

Но каков зачин!

* * *

Рассказываю что-то Ф, говорю:

— И так, знаешь, мне было обидно, что чуть не разревелась.

Он, покровительственно:

— Рева-корова.

— А сам-то? с тобой так не бывает, что ли?

— Бывает. Но я тогда рева-бык.

* * *

Десять вечера, пора спать. Ф закрылся в своей комнате и занимается любимым делом: думает (о чем — Бог весть).

Стучусь: Федор, говорю, спать уж пора, заканчивай думать.

Ф выскакивает и вопит, воздев руки:

— Почему? почему?! что за жизнь? почему ты пытаешься командовать моим мозго́м?!

* * *

Стонет:

— Жизнь моя, о, жизнь моя… жизнь моя зла и проказна.

Говорю — хорош дурака валять, займись делом.

Он:

— Мама!.. зачем ты говоришь так убийственно?!

10 лет

Поругались, помирились.

В порыве чувств говорит мне:

— Не оставляй меня! Кто я без тебя? просто дурак на московской улице.

* * *

Играли в лото, где вместо цифр динозавры. Узнали много прекрасных названий. И немедленно знания — в жизнь.

Я ему:

— Ты какой-то мошопс. Я думала — ты сознательный человек, а ты попросту мошопс.

Он мне:

— Не сердись, ты же не брадизавр.

Он про себя:

— Я несчастный таларур.

Чуть позже:

— Я дурацкий эуплоцефал.

Укладываясь спать, лирически:

— Я сордес, грустный сордес.

* * *

В разгар каких-то сложных разговоров:

— Федор, в чем проблема-то?

Он кричит:

— Я! я моя главная проблема!

Редкая в наших краях трезвость.

* * *

Гадает на ромашках. Любит-не любит-плюнет-поцелует-к сердцу прижмет-к черту пошлет. Обрывает последний лепесток и — ужасаясь:

— Мама, как ты можешь?!

— Что я могу?

— Я гадал на тебя! Ты на меня плюнешь!

— Да вот еще, врет твое гадание.

— Ромашки — не врут!

* * *

Хорошее словечко у него — «отбоковался». Синоним

«отпочковался», но с оттенками. «Мам, я отбоковался от тебя?»

* * *

Звонит:
— Мама! у меня к тебе три слова.
Я, с сомнением:
— Только три?
Он, подумав:
— Хорошо. Может быть — пять

* * *

«Мама, ты почему-то все время говоришь мне щекочущие слова».

* * *

Бабушки и тетушки надарили ему на день рождения зачем-то денег. Он сначала хотел отдать их мне. Когда я отказалась, положил их на стол, смотрел и вздыхал, приговаривая: «Зачем мне это?». А потом пригласил меня в ресторан.

* * *

Пришлось везти Ф срочно к зубному. По пути он устроил яркий и незабываемый концерт. Там было все: подробные описания его грядущих страданий, гнев, упреки, угрозы. Кульминационное: «Я знаю их! Они выдернут мне зуб безжалостно, безжалостно!»

И вот выходит из кабинета обезболенный, тихий, благостный. Останавливается напротив меня. И невнятно (анестезия плюс полный рот слюней) говорит:
— С заморозкой на губе
Я спешу скорей к тебе.

Подумав, добавляет:
— Я люблю вас все же
И без зуба тоже.

12 лет

Мне выдернули зуб мудрости. Вида устрашающего. Принесла его домой в пакетике.

Ф меня утешает:

— Не больно? Давай зуб положим под подушку для зубной феи. — (Увидев зуб) — …Господи, сколько же денег она будет должна тебе за него…

11 лет

Говорю Ф склочно — я возьму тебя с собой на море при условии, что ты не будешь тосковать по березкам и даче, не будешь ныть и дашь мне соответствующее обещание.

Он:

— Ты понимаешь, что уже проиграла? Обещание-то я дам. А приедем — и я как не смогу ничего с собой поделать! как взною!

* * *

На даче катались на велосипедах, долго ехали по лесу, по кочкам да по корням, Ф устал.

На обратной дороге стонет: поехали по короткому маршруту (их два, прямой и через дачные улочки). Говорю — да ладно, крюк небольшой, километр разницы от силы. Он: все равно, так быстрее. Я: так уж и быстрее. Он, с разгорающимся азартом: спорим? давай я по короткому, ты по длинному, и поглядим, кто быстрее! Я: да пожалуйста, только не гони.

На развилке разъехались. Я еду себе медленно, песенки пою. С Ульянова на Госпитальную повернула, потом Салтыкова-Щедрина, Ломоносова… вот по Лучевой качусь, насвистываю. А навстречу мне — до слез знакомый облик! Мчится, рот до ушей:

— Ну, кто был прав?! Кто? Я сто лет назад до дома доехал, тебя все нет, я тебе навстречу поехал — видишь, сколько проехал? А?

Кротко молчу.

Ф:

— А? кто кого перехитрил?

И внезапно теряет запал. Озадаченно крутит педали.

До дачи ехали в наполненном разнообразными эмоциями молчании.

* * *

Бабушка смотрит фильм «Королева», про британскую королеву Елизавету. Ф, проходя мимо, бросает:

— Кстати, бабушка, а ты вот знаешь, сколько сейчас лет Филиппу, герцогу Эдинбургскому, мужу Елизаветы?

Мама качает головой.

Ф:
— Девяносто три!
Я:
— А Елизавете?
Мгновенно:
— Восемьдесят восемь!
Я:
— А мне?
После внушительной паузы:
— …двадцать… три?…

* * *

Пишу Ф смс, что, похоже, простудилась.
Отвечает: «Мам пожалуйста выздорови! А иначе я захнычу».

* * *

Пошли по магазинам, Ф вырос из сменки и школьных брюк.
Ходим, ходим, Ф явно страдает, но терпит. Примерку штанов — вытерпел. Мои раздумья над тремя джемперами — вытерпел. И даже постороннюю женщину, которая попросила его надеть куртку, выбранную ею для внука, — вытерпел.
Плетется за мной и бормочет:
— Я когда-нибудь женюсь, надо привыкать, надо привыкать…
Идет, встрепанный, в одной руке книжка, в другой пакет, причем держит он его не за ручки, а за край.
Говорю:
— Ты книжку в пакет положи, а пакет за ручки возьми, это несколько облегчит твою участь.
Он, мрачно:
— Совсем немного. В главном моя участь необлегчима.

* * *

Избранные места из смс-переписки с Ф:
Я: «Федюк-индюк».
Ф: «Мама-драма».

* * *

Повздорили с Ф сурово с самого утра, я обиделась и мириться отказалась. После школы позвонил мне на работу. Давай, говорит, все-таки мириться. Я, подчеркнуто сухо: а давай ты будешь хорошо думать, прежде чем что-либо говорить? Он: ладно — и отбой.

Через пять минут приходит смс:

«Давай просто помиримся. Без философии и сериалов. Позвони».

5 лет

Накричала на него, зря, нельзя, кругом была неправа. Потом прошу прощения.

Он:

— П'ощаю. В последний раз.

Я спрашиваю — ну а если я снова раскричусь? Это ведь очень даже может быть. Как тогда?

— Снова п'ощу, конешно.

11 лет

Завывает:

— Мама, мама, мама… как мы будем с тобой дальше жить — такие непохожие? Ты оптимист! любишь веселье! окружаешь себя веселыми людьми! А я пессимист! в радость не верю! ваше веселье не люблю!

Я говорю что-то успокоительно-примирительное.

Он, с вызовом:

— Мы настолько разные, что я не верю иногда, что мы родные! Иногда даже думаю — вдруг меня подменили в роддоме? — и, не давая мне очухаться. — Как ты относишься к тесту ДНК?

Я, мысленно снимая ремень, которого у меня нет, и доставая из бочки розги, которых у меня, увы, тоже нет:

— Федор, посмотри в зеркало. У тебя веснушки мои. И улыбка. И зубы передние такие же.

— Что зубы! что веснушки! не это главное! характер, характер!

— Ну, хорошо, — говорю. — Допустим, тебя подменили в роддоме. Это что значит — где-то ходят несчастная мать-пессимистка и ребенок-оптимист?

Ф, затуманиваясь:

— Бедная женщина…

8 лет

Первый учебный день третьей четверти. Были в бассейне, потом зашли за всякими покупками — и заодно картошки в Макдональдсе поели.

Ф ест, блаженствует. Мне вдруг приходит в голову идея: давай, говорю, в первый день каждой четверти ходить вдвоем в какой-нибудь Бургер Кинг или Мак и есть картошку фри. Ф,

с неподдельным энтузиазмом: ура, давай!

Потом я ему говорю:

— А вот представь, ты уже в одиннадцатом классе. Первое сентября. И твоя одноклассница говорит тебе — пойдем погуляем! А ты уныло так: я б с радостью, но я должен идти есть картошку фри с моей старушкой матерью.

Мотает головою:

— Во-первых, когда я буду в одиннадцатом классе, ты не будешь старушка. — (Умело выдерживает паузу для моего «мерси») — а во-вторых, я не буду ей так объяснять.

— А как будешь?

— Я скажу — извини, я не могу.

— А если она расстроится? или даже обидится?

Подумав:

— Тогда я пойду гулять с ней.

— А я?

— А ты же умная. Ты не обидишься. Тебе же все равно, в какой день мы будем есть картошку.

* * *

Давно — лет восемь назад — пересказывал мне какую-то историю:

— … и он тогда влюбился.

Спрашиваю: а ты знаешь, что такое — влюбился?

— Знаю. Любовь. Вот я же сын тебе? сыны всегда своих матерей любят? значит, я влюбился в тебя.

Произносит все довольно уверенно, но все-таки скороговоркой, потом смущается, убегает, закапывается в диванные подушки и кричит оттуда:

— Ну я же все правильно сказал?

* * *

Тридцать восемь и пять. «На Садовой большое движенье»
Мамин голос наивно-старательный и молодой.
Нашей комнаты теплой в холодной зиме отраженье,
и идет в нем подсвеченный лампою снег золотой.

Беспокоятся наши, трезвонят, особенно Аська
Я же тертое яблоко съем, пососу леденец
и лежу (в изголовии бабушкин термос китайский),
словно принц Нородом Сианука, как шутит отец.

На обложке тетрадки в линеечку гимн обновленный
и на кителе, сером еще, октябрятский значок
подождут. Не спеши. Ты ведь по уши в маму влюбленный.
И взаимно притом. Вы поженитесь с ней, дурачок.

Константин Гадаев

* * *

А вот еще давным-давно.

Так давно, что как будто и не с нами.

Была осень. Федор только начинал ходить. Мы гуляли, собирали кленовые листья. Потом он устал, и я взяла его на руки. Медленно пошла к дому.

Около подъезда на скамеечке сидел старик с третьего этажа. Рядом лежала его собака. С кленов и каштана падали листья. Небо было ясное-ясное. Я подумала, что хочу вот так же в старости. Сидеть и смотреть как падают листья. И никуда не спешить. И за все быть благодарной.

Федор уснул у меня руках. Когда мы проходили мимо старика, он улыбнулся, кивнул мне, дотронулся до Федькиного ботинка и сказал: «Самое счастливое время, верно?»